

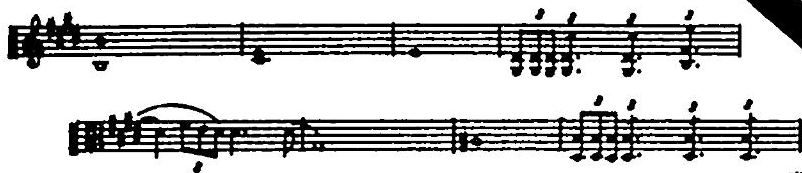
Г. АБРАМЯН

МАСТЕР ТРИОЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Г. АБРАМЯН
МАСТЕР
ТРИОЛЬ
с к и з к и

Рисунки В. Трубковича

Издательство «Детская литература»
Москва 1969

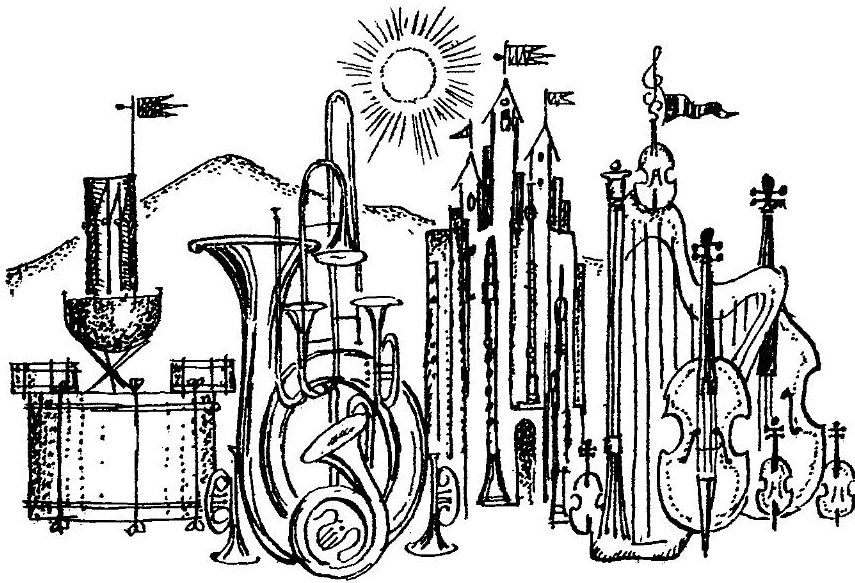
РЕБЯТА!

В этой сказке нет ничего неправдоподобного. Истинная правда, что есть на свете замечательные волшебники, которые творят величайшее из чудес — музыку. Таков и один из героев сказки — Маэстро Гармониус. Есть и такие волшебники, которые с помощью дирижёрской палочки управляют целым городом музыкальных инструментов — симфоническим оркестром. Этим искусством овладевает мальчик Дирижелло, ученик Маэстро Гармониуса. Наконец, немало на свете музыкальных мастеров, больших знатоков своего дела. С одним из них вам предстоит познакомиться — это мастер Триоль.

Ждёт вас и менее приятная встреча со злым волшебником Какофоном, которого приводят в бешенство любой мотив, любая самая короткая песенка, и он готов разорвать её на куски, вывернуть наизнанку, спеть шиворот-навыворот, задом наперёд, вверх тормашками, чтобы слушать было тошно.

Что же происходит с ними со всеми в волшебном городе Капеллиане? Об этом вы узнаете, прочитав сказку.

Автор

Маэстро Гармониус и история города Капеллианы

Как жаль, что до сих пор никто не составил географическую карту волшебных стран с их затридцатьземельными морями и озёрами, горами и пустынями, городами и зámками!

А если бы она существовала, на ней без труда можно было бы разыскать удивительный город Капеллиану — город музыкальных инструментов, который раскинулся у подножия горы Карийон, между озёрами Мамбу, Лимба и Маримба.

Когда-то очень давно никакого города не было. Но однажды в эти места забрёл волшебник-музыкант Гармониус со своим учеником, мальчиком Дирижелло.

Гармониус недавно окончил школу добрых волшебников, получил почётное звание Маэстро, что значит учитель, и, взяв с собой Дирижелло, отправился в путешествие.

Гармониус присел у горы Карийон, чтобы немного отдохнуть, и предложил Дирижелло последовать его примеру.

— Я не устал, Маэстро, — сказал Дирижелло. — Разрешите мне немного погулять.

— Ну что ж, — ответил Гармониус, — иди, мой мальчик. Только я надеюсь, ты будешь благоразумным и не полезешь в воду — озёра в этих местах глубокие и холодные.

— Хорошо, Маэстро, — ответил Дирижелло и убежал.

Вскоре до слуха Гармониуса донёсся плеск воды. Но мудрые учителя — а Маэстро был именно таким! — имеют привычку не слышать того, что можно пропустить мимо ушей.

И мысли Гармониуса приняли совершенно иное направление. Он решил серьёзно подумать о будущем.

Вокруг не было ни живой души, поэтому ему пришлось советоваться самому с собой:

«Ты волшебник?»

«Волшебник».

«Добрый?»

«Добрый».

«А раз так, то ты должен делать всем добро?»

«Должен, конечно! Но кому?»

Последний вопрос застал Гармониуса врасплох — в школе его этому не учили.

И Гармониус задумался.

Наконец он сказал:

— Эх, построю на этом месте город и буду делать всем добро!

А так как Гармониус был волшебником, под рукой у него оказался чистый лист нотной бумаги, на котором он нарисовал

Б А Р А Б А Н

Именно барабан, а не скрипку. Он был человек учёный и отлично понимал, что никакая музыка невозможна без ритма. А кто лучше всего передаёт ритм? Конечно, барабаны!

Внимательно посмотрев на рисунок, Гармониус взмахнул рукой.

Барабан соскочил с нотного листа и покатился к озеру Маримба. По пути он увеличивался, увеличивался, пока наконец не превратился в замок — большой, круглый, как бочка.

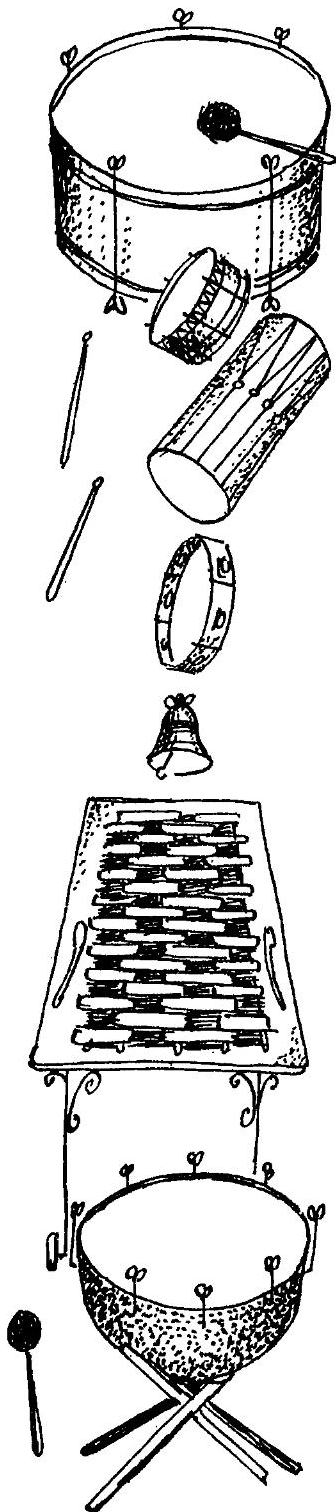
Впрочем, любой барабан круглый, как бочка. Поэтому замок напоминал именно барабан, а не бочку.

Крыши у Барабанного Замка не было. Её заменяла тонкая, гладкая и очень прочная кожа. Она была так сильно натянута, что звенела от любого, даже самого лёгкого прикосновения.

И если по крыше Барабанного Замка вдруг забарабанил бы дождь, тогда хоть беги: каждая капелька звучала бы, как выстрел хлопушки.

Но никакого дождя не было. Утро было весёлое, солнечное, как раз такое, которое очень располагает всех волшебников — особенно добрых — творить чудеса.

Вот и Гармониус, у которого дела сегодня шли как по маслу, решил немедленно заселить Барабанный Замок барабаньей семьёй.

Ему, как волшебнику, это ничего не стоило. Вернее, стоило лишь произнести: «Тимбáле-тимíно-тимиа́но-та́мбур-тамбу́ро-тамбури́но!» — и в замке мгновенно появился Большой Барабан, а за ним — Малый Барабанчик, Тамбури́н, Бубен с Колечками. Серебряный Колокольчик и Ксилофон.

Последним протиснулся в замок здоровенный музыкальный инструмент, который напоминал огромный котёл.

Это была Литавра.

Малый Барабанчик быстро освоился в замке, словно прожил тут всю жизнь. Он принялся скакать вокруг Большого Барабана. Его барабанные палочки без усталости выбивали мелкую дробь, словно торопились сообщить всем: «Слушайте, какие мы ловкие!»

Большой Барабан рассердился. Взрослые вообще не могут спокойно смотреть, как шалют дети.

— Брось барабанить! — строго сказал он.

— А что мне делать, если я барабан? — удивился Барабанчик.

— Во всяком случае, без толку не барабанить, — ответил Барабан.

В глубине души он одобрял поведение Барабанчика. Да и сам больше всего на свете любил побарабанить.

Тут в разговор вмешалась Литавра. Она говорила медленно, и каждое её слово было тяжёлым, как удар молота.

— Бух, ох! — вздрагивала Литавра от звука собственного голоса. — Ну и шалунишка. Бух, ох! Ну и болтунишка.

А Гармониус сидел около Барабанного Замка и думал о том, что скучно, ну просто невозможно так долго слушать один только барабанный грохот.

Тогда он на том же листе бумаги нарисовал второй замок —

М Е Д Н Ы Й.

Казалось, что на землю свалился кусочек солнца — так ярко блестел Медный Замок, весь сложенный из больших и маленьких медных трубок — никелированных, посеребрённых, позолоченных.

Трубки и трубочки затейливо переплетались — прямые, полукруглые, круглые, свёрнутые кренделями и бубликами.

Гармониус остался доволен своей работой.

Не откладывая дела в долгий ящик, он произнёс волшебные слова:

— *Тромбоне-фанфароне-бомбардоне!*

Их он тоже выучил в волшебной школе.

И сразу чуть ли не на голову волшебнику свалилось десятка два звучных Тромбонов во главе с дядькой Цуг-Тромбоном.

Они стали в ряд и давай дудеть и голосить на все лады.

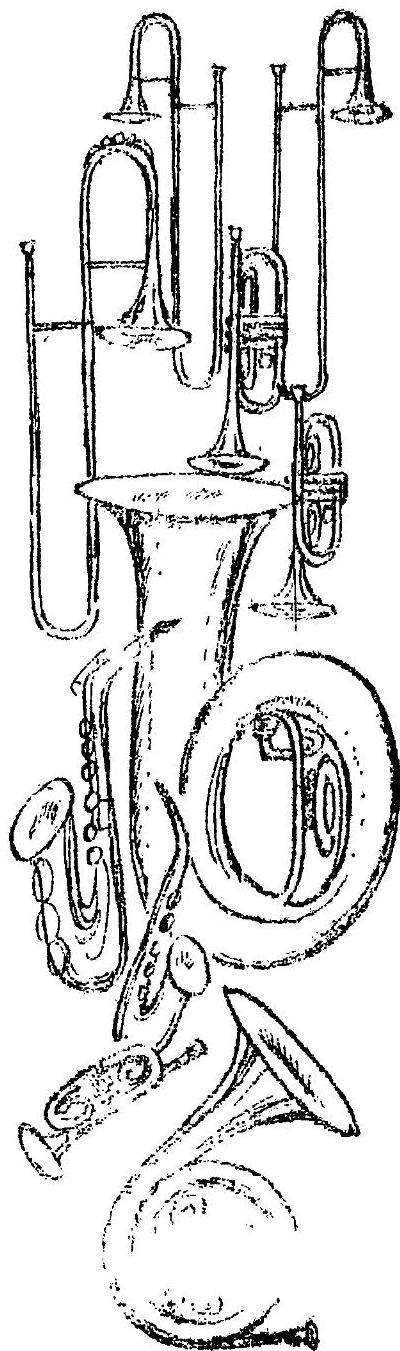
— Я, кажется, перестарался! — воскликнул Гармониус и зажал уши. — Надо быть поосмотрительнее и не болтать лишнего.

— *Трёмба...* — осторожно произнёс он ещё одно волшебное слово.

— Я здесь, ту-ту, та-та! — услышал он звонкий голос Трубы. — Кто звал меня, ту-ту, та-та?

Затем Гармониус поселил в Медный Замок ещё несколько медных музыкальных инструментов: Великана-Геликона, дядю Саксофона, его племянника Саксофончика и удивительную красавицу Валторну. Она вся была увита позолоченными медными кольцами.

Но Гармониус и на этом не успокоился: давно известно, что

волшебники не любят сидеть сложа руки.

Он снова взял в руки карандаш, расправил нотный лист и нарисовал ещё один замок —

Д Е Р Е В Я Н Н Ы Й.

Взмахнув рукой, Маэстро воскликнул:

— *Рapidéлло-рабустéлло-ритарнéлло!*

Рисунок мгновенно исчез с листа. Зато в городе появился третий по счёту замок — стройный, тонкостенный, словно высеченный из единого куска знаменитого эбенового дерева, чёрного, как смоль, крепкого, как железо, и красивого, как бархат.

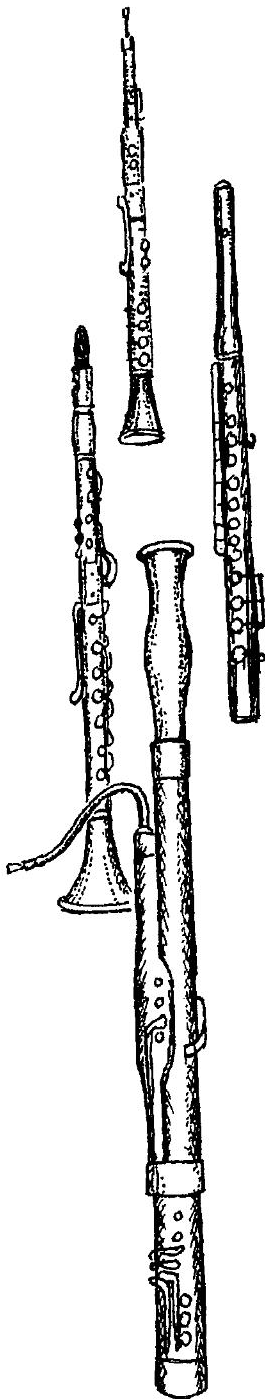
Замок был небольшой, и в его теремках уютно расположились Флэйта, Гобой, Кларнёт и старик Фагót.

Скоро в городе послышался хрустально-чистый голосок Флейты, которая выводила трели не хуже иного соловья.

Простачок Гобой с восхищением слушал Флейту. Он, к своему огорчению, не знал её мелодий. Всю жизнь он распевал простенькие пастушьи песни. И поэтому робко подпевал Флейте, стараясь быть незамеченным.

Зато таинственный, немножко глуховатый голос Кларнета ловко вторил Флейте, без особого труда повторяя её замысловатые трели.

— Всё это хорошо! — между тем воскликнул Гармониус. — Но что это за город, если в нём нет самых прекрасных, самых певучих, самых неповторимых музыкальных инструментов — Скрипок, Альтóв, Виолончелéй и Контрабáсов?!

И он нарисовал четвёртый замок — лёгкий, почти прозрачный, весь увитый, словно плющом, разноцветными струнами.

Когда замок сошёл с нотного листа на землю, он запел. Да, да, именно запел! Потому, что даже лёгкое прикосновение самого слабого ветерка к струнам заставляло их колебаться и напевать нежную мелодию.

Именно это обстоятельство натолкнуло волшебника на мысль назвать новый замок

П Е В У Ч И М.

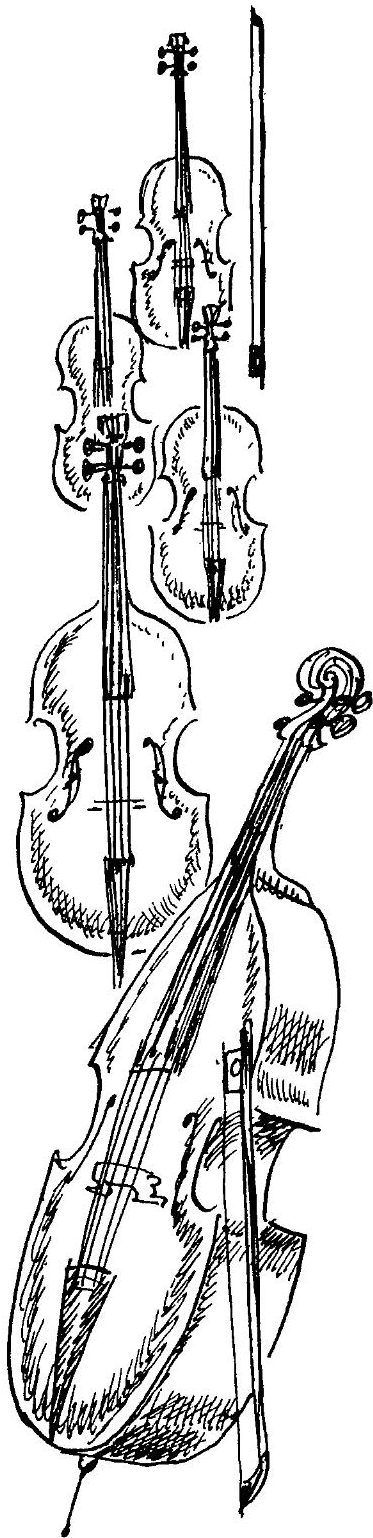
— *Вио́ла-виоли́но-челла-виолончелла-бассо-контрабассо!* — торжественно произнёс Гармониус.

Ждать пришлось недолго. С неба, словно дождь, посыпались скрипки, альты, виолончели и контрабасы.

«Эх, маловат домик», — с сожалением подумал волшебник и оказался прав.

В Певучем Замке поместились рассудительный Альт, прекрасная Челла-Виолончелла, добрый дедушка Бассо-Контрабассо и Первая Скрипка города — Виолина.

А многочисленное семейство расположилось вокруг замка. Каждый спешил построить себе домик, чтобы как-нибудь укрыться от лучей палящего солнца — ведь солнце портит лак, а лак, которым покрыты все скрипки, альты, виолончели и контрабасы, очень нежен и не переносит ни жары, ни холода.

«Ну, теперь, кажется, всё в порядке», — подумал Гармониус и окликнул Дирижелло.

— Что скажешь, мой мальчик? — спросил он.

— Ах как хорошо! — воскликнул Дирижелло, любуясь Капеллианой. — Ну просто замечательно!

Учитель и ученик радовались тому, что город удался на славу и жители его веселы, беззаботны и голосисты.

Но тут вдруг что-то треснуло: трах!

Это у дедушки Бассо-Контрабассо лопнула самая толстая струна. Маэстро огорчился:

— Значит, не всё так хорошо, как кажется с первого взгляда. Сегодня у Контрабаса лопнула струна, завтра у Скрипки сломается смычок, а потом, чего доброго, они все начнут расстраиваться и фальшивить!

— Надо что-нибудь придумать, — сказал Дирижелло.

— Ты прав, мой мальчик, — ответил Маэстро. — И кажется, я уже придумал...

Гармониус вспомнил о замечательном музыкальном мастере Триоле. Это имя он слышал ещё в волшебной школе. Говорили, что мастер Триоль, хотя и не был волшебником, творил настоящие чудеса: он мог собрать, склеить и вернуть голос разбитой скрипке и заставить звучать безнадежно испорченный кларнет или барабан.

И Гармониус решил немедленно познакомиться с мастером Триолем.

— Попробуем, — сказал он и достал из кармана плоскую коробочку.

В коробочке лежали две пары волшебных очков с чёрными, как сажа, стёклами.

— Ты подожди меня здесь, — сказал Гармониус Дирижелло. — Я скоро вернусь.

Он поднёс к глазам очки.

Все замки мгновенно исчезли, словно два чёрных кружочка проглотили город.

— *Престо-виво-ретто-вивачче!* — произнёс волшебник.

Когда он снял очки, то был уже у дома мастера Триоля.

Познакомьтесь — мастер Триоль!

Мастер Триоль жил неподалёку от одного шумного, весёлого города. Ничто, казалось, не мешало мастеру построить свой дом в самом городе, но упрямый Триоль поселился на далёкой окраине за огромным пустырём по соседству с городской свалкой.

Мастер Триоль был человек разговорчивый. Но он был совершенно одинок. И постепенно привык разговаривать сам с собой.

Он ворчал с утра до вечера — то сердито, то добродушно. И трудно было понять, когда старый мастер ворчит, а когда разговаривает. Вполне возможно, что он, разговаривая, ворчал, а ворча, разговаривал.

— Они думают, что я случайно поселился на окраине за пустырём, — ворчливо пояснял он сам себе. — Как бы не так! Мне просто необходимо жить именно здесь, а не в каком-нибудь другом месте. И в этом нет никакого сомнения.

На самом деле Триоль часами простаивал у дороги, ведущей на пустырь. Он внимательно оглядывал каждого прохожего: не несёт ли тот на свалку сломанные музыкальные инструменты. И если замечал, что кто-нибудь держит под мышкой сломанную скрипку, не раздумывая преграждал ему путь и вежливо приподнимал шляпу:

— Неужели вы собираетесь выбросить эту замечательную вещь?

— Вы хотите сказать — эти обломки? — уточнял прохожий.

— Э, нет... — возражал Триоль. — Дайте-ка эту скрипочку сюда! А через неделю приходите. Посмотрите, на что способен мастер Триоль!

Заполучив скрипку, мастер Триоль поспешно направлялся к своей мастерской.

— Послушайте, — кричал ему вслед хозяин сломанной скрипки, — у меня нет денег на починку!

— При чём тут деньги? — сердито бросал через плечо Триоль. — Разве я сказал, что возьму с вас деньги?

— Вот чудак! — говорил прохожий и пожимал плечами.

Но через неделю, получая скрипку, удивлённо восклицал:

— Не может быть! Ведь теперь это совершенно новая скрипка. Её просто не узнать!

С каждым сломанным музыкальным инструментом мастер Триоль запирался у себя в мастерской и подолгу не отрывался от работы. Правда, это не мешало ему всё время ворчать:

— Люди считают меня чудакom. Они так и говорят: «А-а, это тот самый чудак, который живёт на окраине за пустырьём?» И всё потому, что я чиню музыкальные инструменты даром. А как же иначе: если у человека нет денег, а у него сломалась скрипка? Разве ей приятно быть сломанной и бояться, что её вот-вот выкинут как негодную вещь? Она же не

виновата, что у её хозяина нет денег. Виноват-то, выходит, хозяин! За что же обижать скрипку?

И скрипка оживала в умелых руках мастера Триоля. Раны её смазывались прозрачным клеем, а швы покрывались золотистым лаком. Мастер Триоль натягивал на скрипку новенькие серебряные струны и всё говорил и говорил:

— Люди считают меня чудакom ещё и потому, что я разговариваю сам с собой. Но это им только кажется. На самом же деле у меня есть настоящие собеседники — мои музыкальные инструменты. Вы думаете, с ними не о чем поговорить?

С этим вопросом Триоль обращался неизвестно к кому, и тут же получал на него свой собственный ответ:

— Э-э, нет, друзья, вы глубоко ошибаетесь! Возьмите, к примеру, скрипку. Что за чуткость, что за доброта! Всё

она понимает с полуслова. Бывает, вспомнишь что-нибудь грустное, коснёшься её струн смычком — и она загрустит с тобой, словно переживает твоё горе... А если тебе весело — веселится и она. Да еще как — ноги на месте не удержишь!.. А контрабас? Большой, сердитый с виду, вечно гудит и ворчит, а сам добряк, каких свет не видывал!.. Я уже не говорю про виолончель. Прекраснее голоса не услышишь. Он словно человеческий. Послушаешь — и дух захватывает: не хочется плакать, а заплачешь... Нет, что бы ни говорили люди, а музыкальные инструменты разговаривают!.. Но я справедлив и не скрою: с ними говорить не просто. Их надо научиться понимать. Конечно, если подойти, скажем, к контрабасу и дернуть его за струну, то он огрызнется и замолчит. А умеючи — можно. И в этом нет никакого сомнения!

Именно в тот день, когда началась вся эта история, мастер Триоль закончил работу и по привычке проворчал, обращаясь неизвестно к кому:

— Вы, конечно, не верите ни одному моему слову? Тогда вы ничего не смыслите в моей профессии.

Как вдруг услышал:

— Я верю каждому вашему слову, уважаемый мастер Триоль!

Триоль вздрогнул.

В дверях стоял какой-то незнакомец.

— Не имею чести вас знать, — настороженно произнёс Триоль.

— Зато слух о вашем поразительном искусстве удивляет даже волшебников!

— Каких волшебников? — пожал плечами Триоль.

— Ах да! — рассмеялся незнакомец и переступил порог мастерской. — Я, кажется, ещё не представился. Я волшебник-музыкант и ваш покорный слуга — Гармониус.

— Как?.. Самый настоящий волшебник?! — с сомнением воскликнул Триоль, который никогда ещё не имел дела с волшебниками.

— Ну да, — невозмутимо ответил Гармониус. — И могу убедить вас в этом. Я приглашаю вас в мою Капеллиану — город музыкальных инструментов. И если вы пожелаете,

то сможете стать музыкальным мастером этого замечательного города.

— А далеко находится ваша... Капеллиана? — спросил Триоль, раздумывая над тем, шутит ли человек, назвавший себя Гармониусом, или говорит правду.

— Довольно далеко, — ответил волшебник. — За горой Карийон, между озёрами Мамбу, Лимба и Маримба.

— Ну знаете... — проворчал Триоль. — Я слишком стар для столь далёкого путешествия.

— Ах, стоит ли говорить о пустяках! — беспечно отозвался Гармониус. — Вот, пожалуйста, прошу вас — наденьте эти очки.

Мастер Триоль нацепил на нос чёрные очки.

— Я ничего не вижу.

— Терпение, сударь! — рассмеялся Гармониус. — Сейчас увидите... *Престо-виво-ретто-вивачче!*

Триолью показалось, что он оторвался от стула, на котором сидел, и вдруг стал лёгким как пушинка. Потом в ушах у него что-то засвистело, завывало, загудело и внезапно оборвалось.

— Послушайте! — с испугом воскликнул он.

Никто не откликнулся.

Тогда Триоль снял очки и сердито пробурчал:

— Что за шутки, сударь!..

Оглядевшись, он ахнул.

С высокого пригорка он увидел город необыкновенной красоты, раскинувшийся у трёх голубых озёр. Такой город, пожалуй, можно было бы увидеть только на картинке, где художник изрядно нафантазировал, не жалея при этом самых ярких красок. Причудливые деревья имели здесь форму лир и арф, а цветы напоминали крохотные барабаны, колокольчики и тамбурины.

Но самое удивительное — по улицам города ходили Скрипки, Контрабасы, Геликоны и Флейты.

— Чудеса!.. — протянул Триоль. — Но где же волшебник Гармониус?

— Я здесь, — слышался позади весёлый голос волшебника. — И, как видите, не обманул вас.

Он взял у мастера Триоля чёрные волшебные очки и вместе со своими аккуратно уложил в плоскую коробочку.

Триоль, проводив очки глазами, робко спросил:

— А если мне понадобится, скажем...

— Ну конечно, — перебил его Гармониус. — Если вам понадобится вернуться обратно в свою мастерскую, очки к вашим услугам. Но я уверен, что вы так полюбите мой город, что захотите прожить в нём сотню-другую лет.

— Увы, — ответил Триоль, — сотня-другая лет — это слишком много для такого старика, как я.

— В волшебном городе вы можете прожить сто лет, двести... Словом, сколько вам угодно.

Гармониус взял лист бумаги и нарисовал дом.

— Нравится? — спросил он. — Это теперь ваш дом. В нём есть всё необходимое. Там на верстаке вы увидите золотой молоточек и хрустальную наковальню — это мой подарок.

Мастер Триоль покосился на рисунок.

— Славный домик, — сказал он. — Его можно поместить в рамочку и украсить им стенку. Но должен вам заметить, сударь, это ведь не настоящий дом...

— Вы так думаете? — лукаво улыбнулся Гармониус.

Рисунок затрепетал в руке волшебника. Маэстро разжал пальцы. Сильный порыв ветра подхватил листок и поднял его ввысь. Он, словно голубь, покружился над городом и плавно опустился между Певучим и Барабанным Замками. Едва он коснулся земли, волшебник взмахнул рукой.

— *Либитум-ад-либитум!* — воскликнул он.

Что-то ярко вспыхнуло, и на месте, куда опустился листок, появился дом.

— Готово, — сказал Гармониус и широким жестом гостеприимного хозяина пригласил мастера Триоля войти в город.

Ошибка волшебника Гармониуса

Новый город зашумел на все лады. Пели скрипки и виолончели, бухали барабаны и литавры, басыли контрабасы и тубы, заливались трелями флейты и кларнеты, дудели трубы и валторны, ревели тромбоны и геликоны. Словом, поднялся такой шум, хоть беги куда глаза глядят.

Гармониус зажал уши.

— Как же я не подумал о том, что мои славные капеллиане будут мешать друг другу?

Мастер Триоль с ним согласился:

— Шутка ли сказать, сударь, совсем рядышком вы поселили почти все существующие на свете музыкальные инструменты!

— Да, да, — воскликнул Гармониус, — это моя ошибка! Надо что-то придумать. И поскорее.

Но думать ему не давали.

Музыкальные инструменты спорили, жаловались друг на друга и, чуть что, бежали к Гармониусу.

И для волшебника начались заботы одна тяжелее другой. Ежедневно ему приходилось сочинять музыку. Без музыки капеллиане не могли прожить и дня — она заменяла им пищу и воздух.

Однажды к Гармониусу пришла Флейта.

— Что мне делать? — чуть не плача, воскликнула она. —

Я потеряла свою нотную тетрадь. Я пробую петь на память, но у меня нет памяти. Ах, Маэстро, это такое несчастье!

— Ну, успокойся, успокойся, — сказал Гармониус. — Сейчас мы всё уладим.

И по ошибке отдал Флейте нотную тетрадь, которую приготовил для Первой Скрипки — Виолыны.

Флейта чуть не подпрыгнула от радости и помчалась в свой Деревянный Замок.

— Как мне повезло! — распевала она. — Какая честь! Гармониус подарил мне мелодии Виолыны. Теперь никто не отличит моего голоса от звуков Скрипки, и я стану самой знаменитой певуньей Капеллианы! — И она залилась трелью.

Пела Флейта красиво. Звуки её голоса сверкали подобно алмазам, но они были холодны, как льдинки, и не радовали сердца так, как нежный голос Виолыны.

— Ну, — спросила Флейта у большой неповоротливой Тубы, — вы не находите, что ди а п а з о́н моего голоса намного шире, чем у Скрипки? И потом, меня не надо настраивать и канифолить, вы согласны?

Пузатая Туба вежливо откашлялась. Она ничего не поняла из учёной речи Флейты, но решила тоже похвалиться:

— Между прочим, я выучила новый вальс. Такой, знаете ли, удивительный, лёгкий и приятный вальсик.

Туба надула щёки так, что они стали толще живота, и забумкала:

— Бум-ба-ба, бум-ба-ба, бум-ба-ба!

Потом смолкла и блаженно закрыла глаза.

— А дальше что? — спросила Флейта.

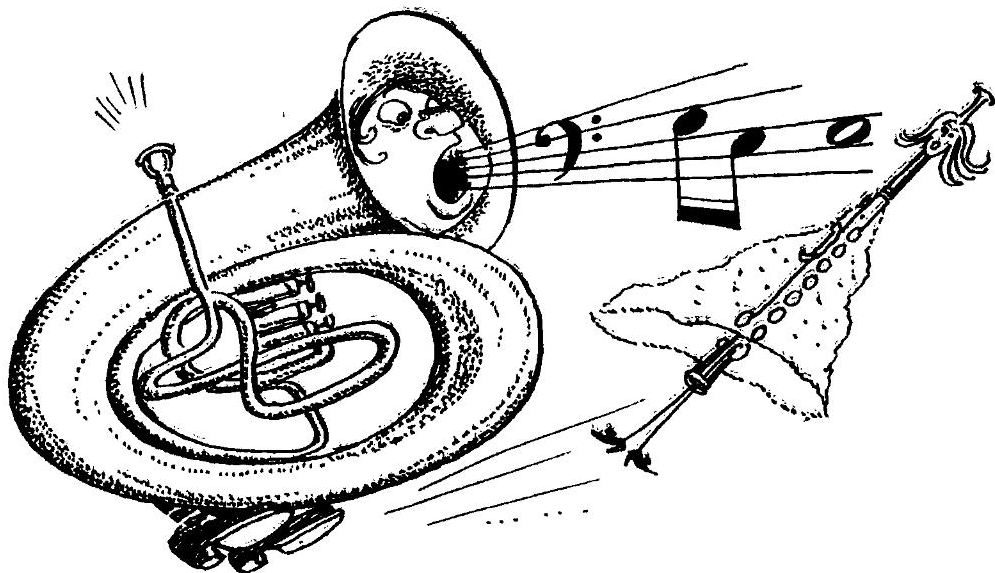
Туба приоткрыла один глаз.

— Дальше перерыв на полчасака...

— Ха-ха-ха! — залилась смехом Флейта. — Вы разве не знаете, что такое перерыв в музыке? Это пауза. А пауза — ничто, пустота. Ваш удивительный вальсик — сплошная пустота. Ну и вальсик, ха-ха-ха!..

— Что вы понимаете в настоящей музыке? — обиделась пузатая Туба.

— Это я-то ничего не понимаю в музыке? — возмутилась Флейта. — Вы послушайте, что она болтает!

Собралась толпа ценителей музыки. А музыку в Капеллиане ценили все. Поэтому собрался весь город.

И началось — уже в который раз! — состязание.

— Бум-ба-ба, бум-ба-ба, бум-ба-ба!.. — заревела обиженная Туба.

— Филь-фильфи-и-и, триль-триль-триль!.. — рассыпалась возмущённая Флейта.

В толпе слушали, сравнивали и спорили.

— Она поёт мелодии нашей Виолины! — вдруг закричали скрипки.

Флейта на самом деле пела мелодии из той тетради, которую ей по ошибке дал Гармониус.

Скрипки рассердились. Они дружно запели свои песни, и голос Флейты потонул в этом хоре.

Флейта взвизгнула:

— Я этого так не оставлю! Я пожалуюсь Гармониусу!

— Мы тоже будем жаловаться, — дружно отозвались скрипки.

Флейта, скрипки, Туба, а за ними виолончели, контрабасы, гобои, тромбоны, геликоны, саксофоны — словом, все направилась к Гармониусу.

Виолончели жаловались на то, что тромбоны им житья не дают: целыми днями кричат на улице. Контрабас и Гели-

кон тут же принялись спорить, у кого голос громче и басистее. Старик Фагот грозился покинуть Капеллиану, потому что ему не дают спокойно спать. Досталось и барабанам, и литаврам: ведь грохочут не умолкая — оглохнуть можно.

Гармониус с трудом успокоил капеллиан.

— Друзья мои, — сказал он, — не спорьте и наберитесь терпения. Создавая наш славный город, я не подумал о том, что вы будете мешать друг другу. Что поделаешь — ошибки молодости! Но я придумаю, как сделать, чтобы вы стали друзьями и никогда больше не ссорились.

Капеллиане поверили Гармониусу. Они мирно разошлись по своим замкам и решили терпеливо ждать.

А Гармониус вместе с Дирижелло переселился за город, в дом, который имел номер ДО дробь МИ.

Маэстро почти не выходил из дому. Он всё время думал, обдумывал и придумывал. И наконец стал самым рассеянным человеком на свете. Он мог откусить кусочек хлеба и тут же с удивлением подумать: «Интересно, кто это надкусил мой хлеб?»

И в этом нет ничего особенного.

Когда человек много думает да ещё собирается придумать такое, чего никто до него не придумывал, он невольно становится рассеянным.

И вот в один прекрасный день Маэстро Гармониуса посетила блестящая мысль.

Но волшебники умеют хранить тайны, поэтому до поры до времени неизвестно, что придумал Маэстро.

Лишь Дирижелло да мастер Триоль были посвящены в эту тайну. Возможно, Маэстро благополучно осуществил бы свой замысел, если бы ему не помешал... злой волшебник по имени Какофон.

Что задумал Какофон

Когда-то очень давно Какофон поступил в музыкальную академию. Но вскоре ему пришлось оставить занятия музыкой: он не мог отличить голоса соловья от рёва коровы.

— Ах так! — разозлился Какофон. — Значит, я неспособный? Тогда пойду учиться на злого волшебника.

И он был принят в школу злых волшебников.

Занимался Какофон успешно. Чтобы быть злым, не надо обладать никакими способностями.

Очень скоро из него получился отличный злой волшебник.

Давно известно, что злые волшебники всегда чем-то недовольны.

Какофон был недоволен тем, что существует на свете музыка. Он ненавидел музыку потому, что его выгнали из музыкальной академии. А вернее, потому, что у него просто не было музыкального слуха. Такое случается и с обыкновенными людьми. Какофона приводил в бешенство любой мотив, любая самая короткая мелодия, и он готов был разорвать её на куски, вывернуть наизнанку, спеть шиворот-навыворот, задом наперёд, вверх тормашками, лишь бы она перестала быть мелодией и не радовала окружающих своей красотой.

Вот почему, услышав голоса капеллиан, Какофон очутился тут как тут. Уж он-то знал: где музыкальные инструменты, там и музыка.

Он разыскал в горе Карийон самую мрачную пещеру и увешал её разбитыми бутылками, металлическими кружками, помятыми самоварами, вилами, ложками и плошками.

И вскоре из пещеры начал раздаваться грохот, лязг, скрежет, который сотрясал гору Карийон и тысячекратно повторялся эхом многочисленных ущелий.

В Капеллиане тоже слышали этот грохот. Всем казалось, что надвигается буря небывалой силы. Спешно захлопывались окна, наглухо запирались двери.

Маэстро Гармониус в это время надевал тёплый шарф и меховые ботинки, а мастер Триоль на всякий случай вешал на дверь своего домика табличку: «Настройка и ремонт временно прекращаются».

Никому и в голову не приходило, что приближается большая беда: в этот час Какофон клялся стать королём города музыкальных инструментов.

Но это не так-то просто, даже если ты волшебник!

— Ничего, — упрямо бормотал Какофон. — Порепетируем — пойдёт...

Он носился по пещере, изо всех сил колотил по развешанному хламу и покрикивал:

— *Катра-марла-крагла!*

А когда он окончательно доломал вилки-ложки, самовары и плошки, то решил:

— Я король, дэцима-ундэцима! Мне не хватает лишь королевства.

А королевство было рядом — четыре великолепных замка, целый город музыкальных инструментов.

Какофон готов был тут же отправиться туда и начать королевствовать. Но ему мешал Гармониус. Как-никак, а Маэстро тоже был волшебником, правда добрым. А кто знает, на что способны добрые волшебники, когда они разозлятся?

И вдруг Какофону пришла в голову удачная мысль:

«Я знаю, что мне делать! Я расстрою музыкальные инструменты, сделаю их фальшивыми. Они не смогут петь мелодии Гармониуса и вынуждены будут подчиниться мне!»

Но тут Какофон подумал о мастере Триоле, который, конечно, примется настраивать фальшивых капеллиан и испортит ему всё дело.

«Значит, от него надо избавиться», — решил Какофон. Он пробрался к домику мастера Триоля. Но прежде чем переступить порог, выдернул из правого века четыре реснички и пустил их по ветру.

— *Кагыргá-магыргá!* — воскликнул он при этом и тут же превратился в скрюченного, жалкого старичка.

Только огромные уши да вращающиеся глаза выдавали прежнего злого волшебника.

— Ох, горе нам! — запричитал Какофон, входя в домик мастера. — Горе, горе, горе нам...

Мастер Триоль отложил в сторону свои инструменты, а коварный волшебник продолжал стонать:

— Я пришёл к вам из далёкой страны. Там случилось ужасное несчастье. У нас сломались все музыкальные инструменты. Наша бедная страна погрузилась в молчание. Представьте себе — ни музыки, ни танцев, ни песен!

— Да, — согласился Триоль, — это ужасно. Без музыки, танцев и песен жить на свете невозможно. Я тотчас же отправлюсь в вашу страну.

— О, спасибо, добрый человек! — воскликнул Какофон. — Это совсем недалеко. Денёк прогулки — и вы там.

И Какофон подробно объяснил дорогу в несуществующую страну. Он был уверен, что старый мастер непременно заблудится в дремучих сказочных лесах.

А мастер Триоль торопливо сложил в свой чемоданчик инструменты. Осталось только проститься с Маэстро Гармониусом.

Маэстро, как всегда, был занят — он сочинял музыку. Не отрываясь от нотного листа, он сказал:

— Рад вас видеть, дорогой Триоль... — и ещё ниже склонился над письменным столом.

— Я отправляюсь... — начал было Триоль и вдруг вспомнил, что не спросил у незнакомца название страны, в которую собирался отправиться.

«Ну да ладно, — беспечно отмахнулся он. — Разберусь как-нибудь!»

— Словом, — продолжал он, — хочу прогуляться денёк другой...

Маэстро Гармониус ещё больше нахмурился. Видимо, у него что-то не придумывалось.

— Да, да, — рассеянно пробормотал он, — прогуляйтесь немного... Солнышко, свежий воздух, лесочек, птички... птички... Это вы сказали птички?

— Я ничего не говорил, — развёл руками Триоль.

— Наконец-то! — радостно воскликнул Маэстро. — Но

как вы угадали, что именно пения птиц не хватает в мелодии?

И Гармониус стал тихонечко насвистывать мелодию, которую так долго искал.

Морщинки сбежали с его высокого лба.

Мастер Триоль улыбнулся и, чтобы не мешать Маэстро, на цыпочках вышел из комнаты.

Концерт в Певучем Замке не состоялся

В этот день Певучий Замок выглядел особенно нарядно.

Маленькие скрипки — пошеты украшали его прозрачными фонариками, разноцветными флажками и яркими полевыми цветами.

Пошеты носились по замку, подобно стайке птиц, и весело щебетали:

— Сегодня выступает знаменитая Первая Скрипка города!

— Наша добрая учительница Виолина.

— И прекрасная Челла-Виолончелла!

— Они будут петь мелодии великого Маэстро.

— И получится самый настоящий,

— увлекательный,

— удивительный,

— концерт!

— Ах как интересно!

Дедушка Бассо-Контрабассо обошёл Певучий Замок — всё ли готово к концерту? — и остался доволен.

— Ну, пора приниматься за дела! — пробасил он.

Первым делом дедушка решил как следует отдохнуть. Он выбрал себе уютное местечко под тенью большого дерева, улёгся и захрапел на весь город, пробормотав сквозь сон: «Слушателю перед концертом необходимо хорошенько выспаться!»

Одна из пошетт подкралась к Бассо-Контрабассо и дёрнула его за самую толстую струну.

— Ой, бум, ой! — охнул Бассо. — Неужели у меня опять лопнула струна?

Но, увидев Пошетту, он сердито проворчал:

— Что тебе нужно, баловница?

— Дорогой Бассо, миленький Контрабассо, — скороговоркой запицала Пошетта, — скажи, пожалуйста, будет ли у нас сегодня урок музыки?

— Что значит «будет ли»? Вы, я вижу, порядком облепились и не хотите учиться...

Но дедушка Бассо был неправ. Пошетты хорошо понимали: чтобы стать настоящими скрипками, нужно много заниматься.

А какая пошетта не мечтает стать взрослой скрипкой?

Когда пошетты приходили на урок к Первой Скрипке Капеллианы — Виолине, она встречала их одним и тем же вопросом:

— А вы, малыши, хорошо настроены? Вы не фальшивите? Ведь хорошо настроиться перед уроком не менее важно, чем вымыть руки перед едой.

Настраивал пошетт, конечно, замечательный мастер Триоль. При этом он добродушно ворчал:

— Если хотите стать настоящими скрипками, будьте трудолюбивы. Занимайтесь упражнениями с утра до вечера, пока наконец вас не признают Первыми, то есть самыми лучшими скрипками. Но не успокаивайтесь на этом: занимайтесь в два раза больше, чтобы навсегда сохранить это почётное скрипичное звание!

Все эти добрые и мудрые советы маленькие пошетты помнили на зубок и были всегда аккуратны и трудолюбивы.

Вот почему они хором ответили дедушке Бассо-Контрабассо:

— Нет, нет, нет! Мы очень хотим учиться. Но где же наша учительница?

— Ах вот вы о чём! — сказал Бассо. — Вы, наверное, перепутали время. — И он повернулся на другой бок.

Но тут послышался тревожный голос Челлы-Виолончеллы:

— Ума не приложу, куда исчезла Виолина! До концерта осталось всего несколько часов.

— Я её не видел с самого утра, — вмешался в разговор рассудительный Альт.

— И мы, — сказали пошетты.

— Странно, странно, — загудел Бассо, поднимаясь на ноги. — Уж не случилось ли с ней беды?

— Умоляю вас, — сказала Челла, — поищите её.

— Конечно, конечно! — согласился Бассо. — Я сейчас же отправлюсь на поиски.

Дедушка Бассо-Контрабассо обошёл все замки города.

— Вы не видели Виолину? — спрашивал он каждого встречного.

Наконец весёлые Серебряные Колокольчики прозвенели в ответ:

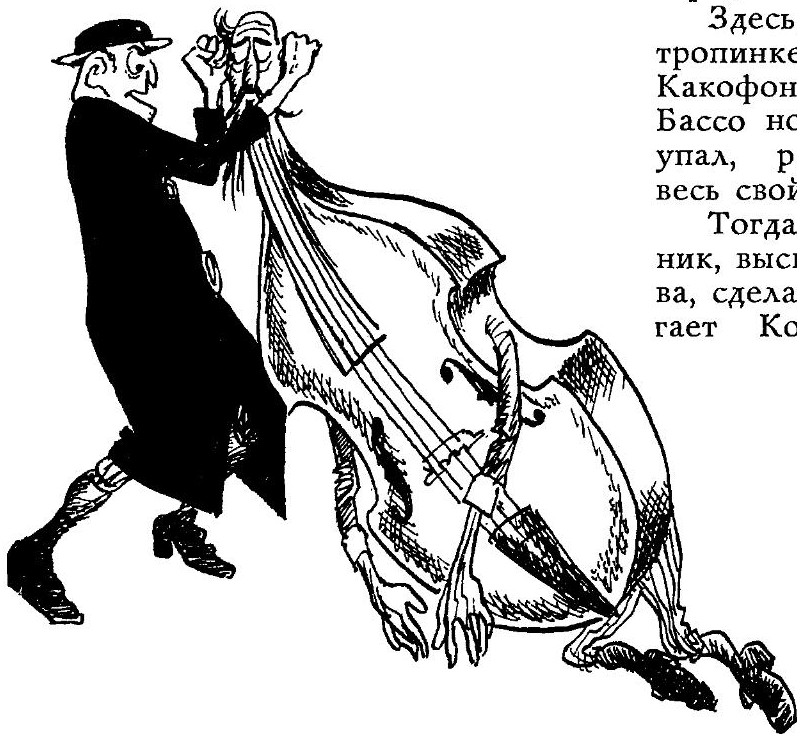
— Рано утром мы видели её за городом, в лесу. Она слушала пение птиц.

— Ах какое легкомыслие, — рассердился дедушка Бассо, — разгуливать в день концерта!

И он устремился за город.

Здесь, в лесу, на узкой тропинке его подстерегал Какофон. Он подставил Бассо ножку, и дедушка упал, растянувшись во весь свой огромный рост.

Тогда хитрый волшебник, выскочив из-за дерева, сделал вид, что помогает Контрабассо под-

няться на ноги, а сам незаметно покрутил ему колки, на которых держатся струны.

Нужно сказать, что колки — а они есть у каждого жителя Певучего Замка — трогать ни в коем случае нельзя, а крутить без надобности тем более. От этого музыкальный инструмент становится фальшивым.

Ничего не подозревая, Бассо отряхнулся и вежливо поблагодарил незнакомца:

— Это очень любезно с вашей стороны. Большое спасибо!

Какофон молча поклонился. Потом вдруг спросил:

— Вы ищете Скрипку?

— Да, да! — обрадовался Бассо.

— Совсем недавно здесь была какая-то Скрипка, — продолжал Какофон. — Она прекрасно пела. Я едва отличил её голос от пения соловья.

— Несомненно, это была наша Виолина! — воскликнул Бассо. — Но где она? Вечером у нас в замке концерт!

— Успеет, — спокойно ответил Какофон.

Бассо вздохнул и, попрощавшись с незнакомцем, поспешил обратно в город.

— Ну что? — спросила дедушку Челла-Виолончелла.

— Успеет, — ответил Бассо. — Наверное, просто далеко ушла.

Челла внимательно прислушалась к голосу Бассо-Контрабассо.

— Что это с вами? — сказала она. — Вы ужасно фальшивите!

— Я?

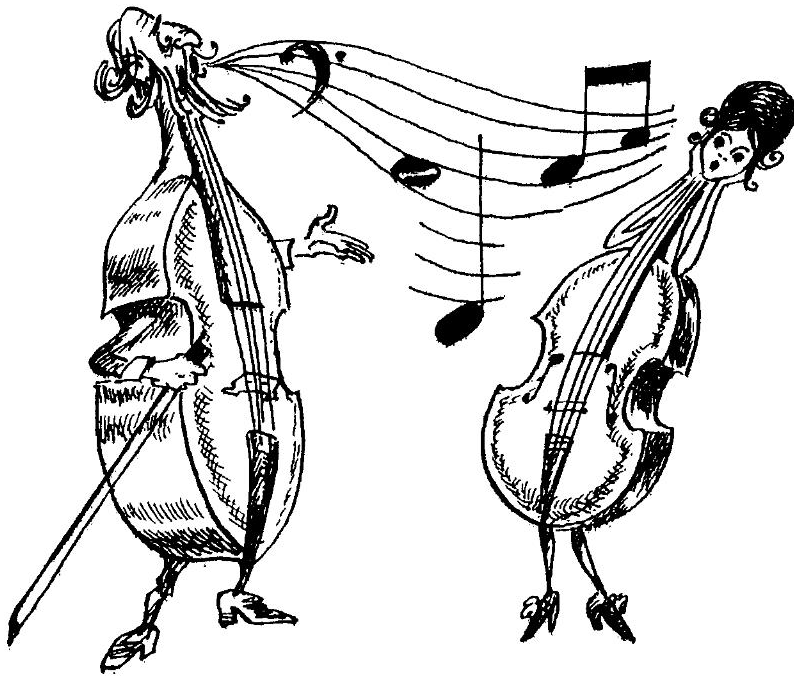
— Ну конечно. Спойте-ка, пожалуйста, своё ДО.

— До-о-о... — протянул Бассо.

— Помилуйте, Бассо, какое же это до? Это совсем не до, а ужасная фальшь.

— Вы так думаете? — испугался Бассо. — А может быть, другие звуки моего голоса в полном порядке? Послушайте, пожалуйста!

Челла-Виолончелла зажала уши. Она, как всякий уважающий себя музыкальный инструмент, не переносила фальши.

— Вам необходимо сейчас же обратиться к мастеру Триолю, — сказала она. — Пойдёмте. Заодно мастер проверит и меня, да и пошеттам не мешает лишний раз настроиться.

И они отправились к мастеру Триолю.

Дверь мастерской была открыта. Оттуда слышался знакомый перестук золотого молоточка и хрустальной наковальни. И, как всегда, на обычном месте, у верстака, спиной к двери, сидел мастер Триоль.

— Будьте добры, настройте нас, мастер Триоль, — сказала Челла.

— С удовольствием, — послышалось в ответ, и Челла вдруг увидела лицо совершенно незнакомого человека.

— Мы, кажется, встречались... — сказал фальшивым голосом Бассо.

Незнакомец не обратил на него никакого внимания.

Он повернулся к Челле:

— Не удивляйтесь. Мастер Триоль ушёл на несколько дней из города и попросил меня заменить его.

И он принялся крутить колки пошеттам и Челле-Виолончелле.

В замок все они вернулись фальшивыми...

Дирижелло

Мальчик Дирижелло не был волшебником. Он был просто учеником Маэстро Гармониуса и учился сочинять музыку. Он даже написал несколько детских песенок. Одну — для самой маленькой Пошетты, другую — для крошечной Флейты, по имени Пикколо, третью — для однорядного, почти игрушечного Ксилофона и четвёртую, самую весёлую, для звучного Тамбурина.

Ну, а тот, кто сочиняет музыку, — тот ведь всё-таки волшебник!

Может быть, и Дирижелло был немножко волшебником?

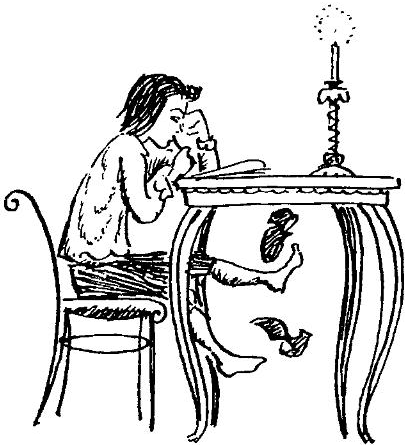
Во всяком случае, пока он, как обыкновенный школьник, часто вздыхая и ёрзая на стуле, грыз карандаш и часами просиживал за музыкальными задачами.

И сейчас лицо его выражало глубокую задумчивость, руки тербели нотную бумагу, а ноги под столом выполняли очень сложную работу. Дирижелло жонглировал своими башмаками.

Вся трудность этих упражнений заключалась в том, чтобы не дать башмакам коснуться пола.

Он так старался, что даже высунул язык.

Именно в этот момент у него на лице появилось такое озабоченное выражение, что Маэстро Гармониус не выдержал и сказал:

— Не переутомляйся, мой мальчик, отдохни немного.
— Хорошо, Маэстро, — ответил Дирижелло и вышел из дому.

Здесь, на улице, он трижды подпрыгнул:

— Скорее в город! Там сегодня концерт Виолыны и Челлы.

Мальчик так торопился, что чуть не сбил с ног какого-то мрачного человека в сверкающем чёрном халате, надетом шиворот-навыворот.

Незнакомец схватил Дирижелло за ухо.

— Ай, ай, мне больно! — закричал мальчик.

— Децима-ундецима! — зарычал мрачный человек. — Ты чуть не изорвал мой королевский наряд.

Только сейчас Дирижелло обратил внимание на лицо незнакомца — злое, уродливое, со страшными глазами, которые непрерывно вращались: один — в одном направлении, другой — в другом. Кончики огромных мясистых ушей упирались в острые вздёрнутые плечи.

— А ну-ка, скажи, где живёт этот... бездельник Гармониус, а то я сотру тебя в канифольную пыль.

Мальчику стало обидно за своего учителя. Он, изловчившись, вырвался из цепких рук незнакомца и топнул ногой:

— Маэстро — лучший человек на свете. Он день и ночь трудится — сочиняет ПАРТИТУРУ.

— Что ты сказал? Партитуру?

— Да, волшебную нотную книгу. Она превратит капеллиан в одну дружную семью.

— О нона-прима-децима-ундецима! — завопил незнакомец. — Всё пропало! — и бросился наутёк.

Дирижелло пожал плечами. «Чего он испугался?» — удивлённо подумал мальчик, продолжая свой путь.

Первым, с кем встретился Дирижелло в Капеллиане, был дедушка Бассо-Контрабассо.

Бассо отчаянно дёргал себя за струны и приговаривал:

— Нет, не то... Опять не то...

Дирижелло стало смешно. Он забыл про неприятную встречу, про ухо, которое ныло и горело, и весело крикнул:

— Здравствуй, Бассо! Я пришёл на концерт.

Дедушка от неожиданности вздрогнул:

— А-а, это ты, Дирижелло?

— Что с тобой? Почему ты сам себя дёргаешь за струны?

— Потому, что я огорчён.

— Тебя кто-нибудь огорчил?

— Не кто-нибудь, а я сам.

— Ничего не понимаю.

— Я сам ничего не понимаю, кроме того, что я расстроен.

— Как так?

— Что ты скажешь о музыкальном инструменте, который фальшивит?

— Скажу, что он расстроился.

— Ну вот я-и расстроился, потому что расстроен...

Бассо-Контрабассо склонился к самому уху Дирижелло и пробасил какую-то песенку.

— На самом деле ты стал фальшивым, — подтвердил мальчик, у которого слух был не хуже, чем у самого Маэстро Гармониуса.

Бассо всхлипнул. С того момента как расстроился, дедушка то и дело всхлипывал.

— Не отчаивайся, Бассо, — сказал Дирижелло. — Вот вернётся мастер Триоль и настроит тебя.

— Ха-ха-ха... — невесело ответил Бассо.

— Что «ха-ха-ха»? — не понял Дирижелло.

— Он вернётся, ха-ха-ха!

— А при чём тут «ха-ха-ха»?

— Так нам ответил человек, находившийся в мастерской Триоля.

— Что ты говоришь, Бассо? Какой ещё человек?

— Такой... ушастый, с вращающимися глазами. Мы все к нему ходили. И я, и Челла, и пошетты. Он не узнал меня, хотя мы с ним встречались. Когда мы покидали мастерскую, Челла спросила у него: «Когда вернётся мастер Триоль?» А он ответил: «Ха-ха-ха!»

Мальчик насторожился. Он вспомнил недавнюю встречу со злым незнакомцем. У того тоже были длинные уши и вращающиеся глаза.

— И этот... ушастый находится в домике мастера Триоля?

— Да, он был там. Теперь его уже там нет. Я ещё раз ходил туда, хотел узнать что-нибудь о Виолине...

— А что с Виолиной?

— Исчезла, — жалобно сказал Бассо. — Пошла погулять и таинственно исчезла.

— А где Челла, пошетты?

— Все они лежат в замке, расстроенные, фальшивые...

Теперь у Дирижелло не осталось сомнений в том, что между ушастым незнакомцем и несчастьями в Певучем Замке есть какая-то связь.

— Не волнуйся, Бассо! — воскликнул мальчик. — Я сейчас же обо всём расскажу Маэстро Гармониусу.

И Дирижелло со всех ног бросился обратно домой.

Встреча двух волшебников

А Какофон тем временем ходил вокруг дома Маэстро Гармониуса.

— Партитура, Партитура... — в бешенстве шептал он. — Теперь я знаю, что задумал этот проклятый Гармониус. Он хочет, чтобы они стали навсегда друзьями, все жители Капеллианы, и хором распевали его мелодии... У-у-у! Страшно подумать, что может натворить эта музыка! Она лишит меня могучей силы волшебника, и я превращусь в самого обыкновенного беспомощного человечешку. Тогда прощай, моё королевство! Я никогда не стану королём!

Однако долго размышлять было некогда. Какофон осторожно заглянул в окно.

Он увидел седую голову Маэстро. Тот сидел, низко склонившись над письменным столом. Перо его аккуратно выводило нотные знаки на строчках Партитуры.

Почувствовав на себе взгляд, Гармониус повернулся к окну и тоже увидел Какофона.

Некоторое время волшебники пристально разглядывали друг друга: Гармониус — с любопытством, Какофон — с ненавистью и страхом.

Потом Гармониус подумал: «Я, кажется, поступаю неучтиво. Надо пригласить незнакомца в дом».

Так он и сделал.

Какофон прошёл в комнату и уселся напротив Маэстро.

— Я слышал о том, что вы пишете необычную нотную книгу — Партитуру... — начал Какофон.

Гармониус вскинул брови: «Интересно, откуда он узнал о Партитуре?»

— И мне, как музыканту, очень хочется познакомиться с ней. Не могли бы вы дать мне её на денёк?

— С удовольствием, сударь, — ответил Гармониус. — Но Партитура ещё не окончена.

— О Маэстро, я стораю от нетерпения!

Какофон на самом деле сторал от нетерпения скорей, скорей уничтожить ненавистную книгу!

— Ну что ж, — сказал Гармониус. — Тогда я сейчас для вас сыграю какой-нибудь отрывочек...

«Этого ещё не хватало!» — только и успел подумать Какофон. Маэстро уже сидел за фисгармонией.

Какофон, как известно, ненавидел музыку. Каждый звук вонзался в его ухо, словно отравленная стрела. Злой волшебник трясся от злости. И не мог с собой справиться.

Маэстро сделал небольшую паузу.

— Ну как вам нравится моя музыка? — спросил он и повернулся к незнакомцу.

Ответа не последовало. Стул, на котором сидел незнакомец, был пуст.

— Странно, куда он подевался? — удивился Маэстро.

А Какофон и не думал покидать комнату. Он сразу догадался, что с Гармониусом шутки плохи, наскоро произнёс своё самое безотказное заклинание: *мáрла-чёрла-кштюк-кштюк!*

И тотчас превратился в блестящую капельку фиолетовых чернил.

Превращение в чернильную капельку было для Какофона старым испытанным средством. Ещё в молодости он любил забираться на кончик пера какого-нибудь сочинителя музыки. И тогда из-под пера сочинителя появлялась такая путаница, такая мешанина из разных нот, что её невозможно было слушать.

А Маэстро после небольшого приключения вернулся к своему столу и вновь принялся за работу.

Он не знал, что злой волшебник сидит в чернильнице.

Какофон от нетерпения так ворочался на кончике пера, что Гармониус озадаченно воскликнул:

— Какая большая капля! Как бы не поставить кляксу!.. — и стряхнул перо.

Какофон звонко шлёпнулся на пол.

Это повторялось много-много раз. Но Какофон упрямо возвращался в чернильницу.

Вскоре он весь покрылся синяками и шишками, а Гармониус как ни в чём не бывало дописывал Партитуру.

Вдруг перо хрустнуло и сломалось.

— Ах, какая досада! — сказал Гармониус. — Моё любимое перо! Что поделаешь? И любимые вещи недолговечны...

Охая и вздыхая, Маэстро пошёл в кладовую. Он с сожалением забросил сломанное перо на самую верхнюю полку, где в пыли лежали старые, ненужные вещи.

Какофон вместе с пером шлёпнулся в пыль. Поглаживая синяки и шишки, он злобно шипел:

— Ну погоди... Я ещё рассчитаюсь с тобой, децима-ундецима!

А Гармониус вернулся в комнату и снова принялся за работу.

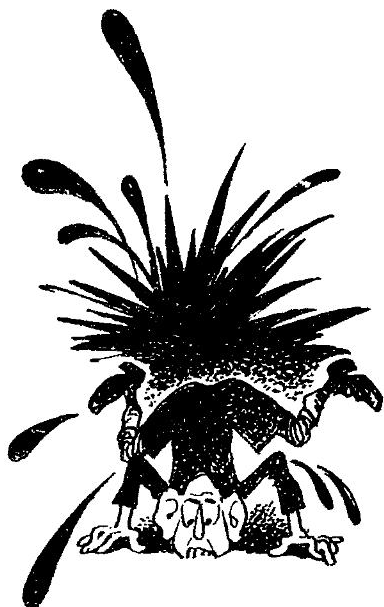
Через несколько минут он поставил в Партитуре последний нотный знак.

— Всё! — воскликнул он. — Наконец-то в моём любимом городе наступят мир и согласие. Как обрадуются капеллиане!

Вдруг Маэстро заметил на столе сломанный смычок.

— Когда вещи приходят в негодность, — глубокомысленно произнёс он, — с ними приходится расставаться.

И он ещё раз посетил кладо-

вую. Но вместо смычка положил на полку — что бы вы думали? — Партитуру!

Вот что может сделать человек по рассеянности!

Вернувшись снова в комнату, Маэстро решил проиграть все мелодии Партитуры с начала до конца, чтобы проверить, нет ли там ошибок.

Он откинул крышку фисгармонии, поставил рядом самое удобное кресло и протянул руку за Партитурой.

Партитуры не было. Она пропала.

Гармониус перевернул всё вверх дном — стулья, чемоданы, кресла, диваны. Даже картины, которые висели на стенах, очутились на полу. Он выдвигал ящики стола, рылся в них. Книги сыпались на пол, нотная бумага летала по комнате, фисгармония переехала к противоположной стене. Но всё было напрасно.

Маэстро обхватил голову руками и стал мучительно вспоминать.

— Куда я положил Партитуру? — сказал он и хлопнул себя поломанным смычком по лбу.

Смычок был крепкий, и на лбу Маэстро выскочила шишка. Гармониус потёр лоб и с удивлением уставился на смычок.

— Интересно, как он очутился у меня в руках? Я же отнёс его в кладовую! — И тут он вспомнил: — Ах старый рассеянный болван! Ведь я положил на полку вместо смычка Партитуру!

На пыльной полке

На пыльной полке, куда попал Какофон и куда Маэстро Гармониус положил Партитуру, лежали витки ненужных Струн, поломанная Дирижёрская Палочка и старый мудрый Клавир в потёртом кожаном переплёте, написанный Гармониусом ещё в юности.

Мудрый Клавир в своё время тоже попал сюда по вине Маэстро Гармониуса. Да так и остался лежать здесь среди ненужных вещей.

Неожиданное появление Партитуры обрадовало обитателей пыльной полки.

Они окружили Партитуру.

Давно известно, что вещи, оставшись наедине друг с другом, имеют привычку разговаривать между собой.

— Здравствуй, малышка! — нежно сказал Партитуре старый мудрый Клавир. — Я рад, что ты навестила меня...

Клавир решил, что Партитура пришла к нему в гости.

К Партитуре подкатилась Дирижёрская Палочка.

— Бедняжка... — сказала она. — И тебя выбросили как ненужный хлам?

— Нет, что ты! — беззаботно отозвалась Партитура. — Просто Маэстро положил меня сюда по рассеянности. А теперь, наверное, ищет да ищет...

— А что, если он никогда не найдёт тебя? — испуганно задрожали Струны. — Как это было с мудрым Клавиром!

— Ох, ох! — заволновалась Дирижёрская Палочка. — Что, если он на самом деле не найдёт тебя?

— Этого не может быть! — весело отозвалась Партитура. — Я ведь теперь самая главная нотная книга. Маэстро Гармониус говорил, что с моей помощью превратит жителей четырёх замков города в одну дружную семью.

Клавир вздохнул.

«Всякая новая книга, — грустно подумал он, — считает, что она важнее старых книг. А это не всегда верно. На этот счёт у меня имеется собственный и очень горький опыт!»

Но Клавир не высказал своей мысли вслух. Он был не только мудрым, но и очень скромным.

Сейчас его больше всего волновала судьба Партитуры.

— Надо выслушать почтеннейшего Дона-Камертона, — сказал Клавир.

К мнению Камертона все прислушивались с большим уважением. Может быть, поэтому его и величали Доном-Камертоном.

Камертон был самым старым обитателем пыльной полки. Было время, когда Маэстро Гармониус не мог прожить без

него и дня. Каждое утро он с улыбкой прислушивался к Камертону. «Ля-а-а!» — протяжно пел тот. И звук его голоса замирал, словно таял в воздухе. Маэстро настраивал свою Скрипку и аккуратно прятал Камертон в мягкий кожаный чехол.

Но однажды Камертон свалился со стола на каменный пол. И у него отломилась одна ножка. Он был теперь никому не нужен — пыльная полка стала его единственным пристанищем.

Сейчас Камертон важно проковылял к месту разговора.

— Да-а-а, — сказал он. — Маэстро может не вспомнить, куда положил тебя, Партитура. Маэстро такой рассеянный. Я-то уж знаю!

И тогда Партитура поняла, что происшествие, которое показалось ей сначала забавным, может окончиться для неё очень печально. Ведь сюда едва проникал дневной свет, и серая густая пыль толстым слоем покрывала целое кладбище старых, никуда не годных вещей.

Впрочем, Партитура не успела высказать своих опасений вслух. Какофон решил немедленно воспользоваться оплошностью Гармониуса.

Он схватил Партитуру, вырвал из неё первый попавшийся лист, нацарапал на нём несколько слов и оставил записку на полке. Затем выскочил в отдушину, прихватив, конечно, Партитуру с собой.

Ах, до чего же рассеянный Маэстро Гармониус!

Дирижелло спешил домой. Он торопился рассказать учителю о странном незнакомце и таинственном исчезновении Виолыны.

Когда он наконец добрался до дома, его поразил страшный беспорядок в комнате Маэстро.

Сам Гармониус растерянно стоял среди этого погрома.

По всему было видно, что он собирался куда-то уйти. И лишь одно обстоятельство задерживало его дома: он искал перчатки, которые только что натянул на руки.

— Что случилось? — испуганно спросил Дирижелло.

— О мой мальчик, я потерял жизнь!

— Маэстро, вы живы и здоровы.

— Кому я теперь нужен, старый рассеянный болван? У меня, мой мальчик, нет Партитуры.

У Дирижелло отлегло от сердца: «Положил куда-нибудь и забыл!»

— Успокойтесь, Маэстро, — сказал он. — Я помогу вам. Сейчас мы найдём Партитуру.

— Не трудись, мой добрый мальчик. Партитуру украли. Я знаю, кто её украл. Более того, я даже знаю, где она сейчас находится. Вот только не знаю, цела ли она.

И Маэстро Гармониус протянул Дирижелло клочок нотной бумаги, безжалостно вырванный Какофоном из Партитуры.

— Я нашёл эту записку в кладовой. На той самой полке, куда по ошибке положил Партитуру.

Дирижелло взял бумагу и прочитал: *«Кукйглы канклес кампра кампарара каратара карглардра каргларам».*

На языке волшебников это означало: *«Если хотите получить свою книжку, приходите за гору Карион».*

Дирижелло не знал языка волшебников.

— Я ничего не понял, — сказал он.

Но Гармониус не услышал его. Он был уже у двери.

— Куда же вы, Маэстро? — воскликнул Дирижелло. — В Певучем Замке происходят невероятные события. Пропала Виолина. Стал фальшивым Контрабас. Маленькие пошеты и Челла-Виолончелла совершенно расстроены.

Гармониус остановился:

— Странно. С чего это они вдруг расфальшивились?

— А в мастерской Триоля был злой ушастый человек. Тот, кто отодрал меня за ухо.

Маэстро посмотрел на распухшее ухо мальчика.

— Позволь, позволь... — сказал он. — Ты говоришь ушастый человек? А не обратил ли ты внимания, мой мальчик, на его глаза?

— Они у него вертятся...

— Так он и у меня побывал!

И Гармониус задумался.

Вдруг его словно осенило:

— Беги скорее, мой мальчик, за мастером Триолем. Тут что-то не так...

— Его нет дома, — ответил Дирижелло.

— Интересно, куда мог запропасться этот старый ворчун? — удивился Маэстро.

— Я как раз хотел вас спросить об этом.

— Интересно, почему именно меня, а не самого Триоля?

— Потому, что его со вчерашнего дня нет в городе.

Вспомните, он вчера заходил с вами прощаться.

— Ах да! — воскликнул Маэстро. — Он говорил мне, что собирается посетить страну, которая называется...

И Гармониус запнулся.

— Как она называется? — спросил Дирижелло.

— Боюсь, что никак, — ответил Гармониус. — Мастер Триоль не сказал мне, как она называется.

— Я попробую его догнать, — сказал Дирижелло.

— Догнать? — с сомнением протянул Гармониус. — Догнать, даже не зная, куда он пошёл?

— Маэстро, — воскликнул Дирижелло, — ну придумайте что-нибудь! Вы же волшебник!

— Совершенно верно, мой мальчик. Я совсем забыл об этом!

Гармониус оторвал от своего камзола самую большую пуговицу. И стал тереть её о ладонь. При этом он что-то быстро-быстро бормотал.

До мальчика доносились отдельные слова: *артиколато... артиколандо... амабилито...*

И вдруг пуговица засветилась. Сначала стала красноватой, а потом ярко-голубой, как ночная звёздочка.

— Я вижу мастера Триоля! — воскликнул Гармониус. — Бедняга пробирается сквозь чащу дремучего леса!

— Где, где? — закричал мальчик и подбежал к Маэстро.

Он уставился на пуговицу, но ничего в ней не увидел. Для него это была самая обыкновенная перламутровая пуговица, отливающая голубым светом.

— Не огорчайся, мой мальчик, — успокоил его Маэстро. — Я скажу тебе, что нужно делать: обойди гору Карийон справа. Дальше следуй так, чтобы солнце всё время светило тебе в уголок левого глаза. Когда же солнце спрячется, тень от луны должна быть прямо перед тобой. Спешу, мой мальчик! Триоль ушёл недалеко. Через несколько дней вы будете дома. Я буду ждать вас с нетерпением.

Маэстро Гармониус взмахнул на прощание рукой и устремился к горе Карийон.

А Дирижелло, строго следуя советам учителя, отправился вдогонку за мастером Триолем.

Гармониус слишком поздно вспоминает о чёрных волшебных очках

Какофон сидел в своей пещере за горой Карийон и ждал.

Он знал, что Гармониус рано или поздно прочтёт его записку и, конечно, прибежит за своей Партитурой.

Ждать пришлось недолго.

Как только появился Гармониус, Какофон вышел ему навстречу.

Маэстро сразу узнал в нём того самого незнакомца, который выпрашивал у него Партитуру.

— Так это вы? — строго обратился он к Какофону.

— Как видите, — откликнулся Какофон.

— Куда вы дели мою Партитуру, сударь?

— О, не волнуйтесь, уважаемый Маэстро! Я просто взял её почитать. А теперь она лежит в пещере. Можете забрать свою книжку хоть сейчас.

Гармониус, не раздумывая, бросился в пещеру.

Он увидел Партитуру, радостно схватил её, но... это оказалась не Партитура, а лишь обложка от неё — синий бархатный переплёт.

Гармониус рассердился:

— Шутить изволите, сударь!

Вдруг камни над головой Маэстро пришли в движение. Из щелей, словно змеи, выползли толстые железные прутья. Они паутиной затянули выход, и Гармониус оказался крепко-накрепко запертым в пещере.

— Ага, попался?! — злобно крикнул Какофон. — А Партитура — вот она!

Маэстро увидел в руках Какофона растерзанную Партитуру и понял, что его жестоко обманули.

— Отсюда тебе не выбраться! — ликовал Какофон. — Ни один волшебник на свете не сможет открыть эту решётку.

— Мои очки! — воскликнул Гармониус. — Неужели я забыл дома свои чёрные волшебные очки?

— Ха-ха-ха-ха! — донёсся до него отвратительный смех Какофона, который отплясывал новый королевский танец какофокс.

В какофоксе у каждой ноги был свой собственный ритм, а руки выделяли такое, что за ними нельзя было уследить.

— Наконец-то я спокойно могу объявить себя королём, — радостно подвывал Какофон.

Голова его гудела от разных приятных мыслей, среди которых, между прочим, попадались и неприятные. Например, Какофон думал о том, что у капеллиан, наверное, сохранились ещё ноты, написанные Гармониусом. А что,

если кто-нибудь скроет их и потихоньку будет петь ненавистные ему мелодии?

Какофон покинул гору Карийон и направился в Капеллиану. По пути постепенно приятные мысли улетучивались, и чем ближе он подходил к городу, тем злее становился.

О племяннике всеми уважаемого дяди Саксофона

В Капеллиане Какофон сразу обратил внимание на Медный Замок.

Трубки и трубочки замка блестели на солнце так ярко, что было больно смотреть.

Какофона поразил этот блеск. Он прошептал:

— Здесь будет моя королевская резиденция!

Первый, кто попался на глаза Какофону в Медном Замке, был Сак-Софончик — родной племянник всеми уважаемого дяди Саксофона.

Это был большой бездельник. Он целый день валялся на мягком, бархатном ложе и думал: «Как бы сделать так, чтобы ничего не делать?»

В один из таких моментов и появился Какофон: под мышкой — Партитура, в руках — крепкая дубинка, а на лице — свирепая решимость будущего короля.

Какофон уставился на Сак-Софончика страшными вращающимися глазами.

— Ты кто такой? — спросил он у Сак-Софончика.

Сак-Софончик весь затрясся от страха.

— Я... я... Сак-Со-офо-ончи-ик... ик... ик...

— Не смей икать в присутствии короля!

— Ко... ко... ко...

— Вот именно: я — король! А зовут меня Какофон. Ясно?

— Я... я... я...

— Что ты якаешь? — спросил Какофон, довольный тем, что нагнал на Сак-Софончика страх.

— Я... я... я... —
всё ещё пытался
что-то объяснить
Сак-Софончик.

— Ну знаешь,
ты мне надоел! —
рассердился Какофон. — Сейчас я превращу тебя в деревян-
ную трещотку.

К Сак-Софончику моментально вернулся дар речи.

— Пощадите! — взмолился он. — Я буду служить вам
верой и правдой.

— Вот это другой разговор. А что ты умеешь делать?

— Я буду петь вам колыбельные песенки, — сказал Сак-
Софончик.

Он достал было нотную тетрадь с разными мелодиями,
написанными для него Маэстро. Но не успел даже рта рас-
крыть: Какофон стукнул его дубинкой по голове, выхватил
тетрадь и изорвал её на мелкие кусочки.

— Только посмей ещё раз вспомнить о мелодиях Гар-
мониуса! Мне нужна фальшивая музыка. Ясно?

— Ясно... — пролепетал Сак-Софончик.

— А кстати, ты умеешь фальшивить?

— Нет.

— Децима-ундецима! — прорычал Какофон. — Зачем ты
мне тогда нужен? Сейчас я превращу тебя...

Сак-Софончик бросился на колени:

— Я не умею фальшивить, зато могу лаять, вить, виз-
жать и хрюкать.

— А ну, хрюкни разочек, — с сомнением произнёс Ка-
кофон.

И Сак-Софончик захрюкал. Потом залаял, завизжал, за-
кашлял, заухал. Словом, стал вытворять такое, что, окажись

рядом его дядя, всеми уважаемый Саксофон, то он лопнул бы от стыда за своего племянника.

Но Какофон был доволен.

— Ай да музыка! — приплясывал он от удовольствия. — И откуда ты такой взялся?

— Только умоляю вас, — провизжал Сак-Софончик, — не рассказывайте ничего моему дяде...

— Ты мне нравишься, — перебил его Какофон. — Только выбрось из головы Гармониуса с его мелодиями, заодно и своего дядюшку. Не то я из тебя трубу самоварную сделаю.

— Я больше не буду.

— То-то же!

Какофон немного подумал и вдруг добавил:

— Хочешь стать моим первым министром?

— Ещё как!.. — поспешно согласился Сак-Софончик.

Он справедливо рассудил, что лучше быть министром, чем самоварной трубой.

Какофон положил на голову Сак-Софончика свою костлявую ладонь.

— Назначаю тебя первым министром королевства Всемогущего Какофона! — торжественно произнёс он.

В медных мозгах Сак-Софончика тут же пронеслось: «Вот когда я отдохну: заведу себе заместителя и буду ругать его за безделье!»

Какофон прервал сладкие мысли Сак-Софончика:

— Пора приниматься за дела.

— Слушаюсь, ваше прекакофонство! — как и подобает министру, ответил Сак-Софончик.

Дядька Цуг-Тромбон

— Моему королевству нужно правительство, а мне самому — телохранитель, — заявил Какофон.

— Вашим телохранителем может стать дядька Цуг-Тромбон, — ответил Сак-Софончик.

— Почему?

— Он вопит громче всех.

— А ты сообразительный малый, — похвалил министра король. — Веди сюда — как его? — Цуг-Тромбона.

— Как, прямо сейчас? — пролепетал Сак-Софончик.

Откровенно говоря, Сак-Софончик побаивался громкоголосого и грубоватого дядьку Цуг-Тромбона.

Какофон угрожающе покрутил дубинкой:

— Я не привык повторять своих приказов!

— А если... он не согласится? — попятился к двери Сак-Софончик.

— Я ему голову оторву!

— Я, как первый министр вашего прекакофонства, — вкрадчиво начал Сак-Софончик, — не могу допустить, чтобы у моего короля был телохранитель без головы...

— Тогда тебе придётся допустить, что у короля останется без головы первый министр, — буркнул Какофон.

Этот намёк пришёлся не по душе Сак-Софончику, и он без лишних слов поплёлся исполнять приказ Какофона.

— Послушайте, — обратился он к Цуг-Тромбону, — вы не могли бы на минутку заглянуть ко мне?

— Мне некогда расхаживать по гостям, да ещё ко всяким бездельникам, — ответил Цуг.

— Я никак не могу разобраться в новых нотах, — робко попросил хитрый Сак-Софончик. — А вы такой умный и такой грамотный...

Дядька Цуг был не очень грамотным и не очень умным, поэтому слова Сак-Софончика сделали его сговорчивей.

— Ну ладно, — сказал он. — Пойдём.

Навстречу Цуг-Тромбону поднялся Какофон. Нацелив на дядьку вращающиеся глаза, он процедил сквозь зубы:

— *Кáча-ча, кáчи-чи, кíрла-мíрла, камп-камп!*

Наверное, это заклинание злого волшебника было очень сильным, потому что Цуг-Тромбон стал вдруг извиваться, корчиться, хотя Какофон его и пальцем не тронул. Медные косточки несчастного хрустели, словно кто-то ломал их.

А трубки и трубочки — у Тромбона их было много, как, впрочем, у любого медного инструмента, — согнулись, сдви-

нулись с места и стали корявыми, как сухие ветки старого дерева.

Дядька Цуг и опомниться не успел. Он моментально потерял память и стал таким фальшивым, что у него помутилось в голове.

— Кто я такой?

— Ты мой телохранитель, — ответил Какофон. — А я — король. И зовут меня Какофон. Твоя медная голова должна это запомнить, иначе ты останешься без головы. Ясно?

— Король... Какофон... Без головы... Ясно, — как заведённый, повторил дядька Цуг.

Какофон сделал два прыжка, завертелся на месте, потом стал яростно бросаться на стену.

Он исполнял свой знаменитый какофокс. Казалось, что руки и ноги короля не выдержат этих движений, вот-вот оторвутся и вылетят в окно.

Братья тромбоши, королевский трон и Великан-Бомбардон

Сак-Софончик внимательно наблюдал за тем, что вытворяет король. Иногда он, чтобы доставить удовольствие Какофону, тоже дрыгал ногами.

Когда танец окончился, Сак-Софончик сказал:

— Ваше прекакофонство, вашему телохранителю нужны телохранители.

— Зачем?

— Затем, чтобы его охраняли, когда он охраняет ваше прекакофонство.

— Молодец, Саксо! — похвалил король находчивого министра. — Награждаю тебя орденом какофонии — «За фальшивые услуги».

Никаких орденов у Какофона не было. И он нацепил на грудь счастливого министра большую, величиной в полтарелки, железную пуговицу от своего халата.

— Слава Какофону! — закричал Сак-Софончик и добавил: — Телохраниителями вашего телохранителя могут быть братья тромбоши.

Через несколько минут близнецы предстали перед королём.

И опять Какофон завращал своими страшными глазами:

— *Кача-ча, качи-чи, кирла-мирла, камп-камп!*

Послышался хруст медных трубочек. И на глазах у всех тромбоши преобразились. Братья стали кривобокими, злыми, фальшивыми, а главное, ничего не помнили.

— Ты кто такой? — толкнул один Тромбоша другого.

— А ты кто такой? — не остался в долгу другой.

Какофон пояснил:

— Вы телохранители моего телохранителя. Стражники моего стражника. Зарубите это у себя на медных носах. Отрастите себе усы, чтобы намотать это на ус. Ясно?

Тромбоши вдруг почувствовали, как у них под носом появились колючие проволочные усы.

— Ну и страшилища! — воскликнул Какофон.

Он с удовольствием разглядывал глупые физиономии тромбош. Из-за нелепых усов они стали ещё глупее.

Вдруг Какофон перестал смеяться. Он молча уставился на стражников.

Братья были похожи друг на друга как две капли воды. Даже проволочные усы у них были совершенно одинаковыми.

— Я буду их вечно путать, — пробурчал король. — А мне некогда с ними распутываться. Я занят королевскими делами.

— Я придумал, ваше прекакофонство, — вмешался Сак-Софончик.

— Что ты придумал?

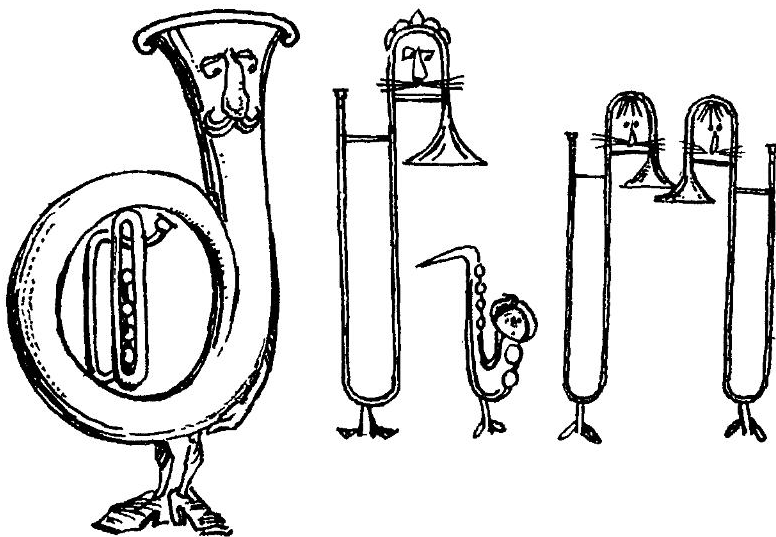
— Я придумал им клички. Пусть один будет Квартошей, а другой — Квинтошей.

Какофон кивнул головой.

Через минуту послышался новый приказ:

— Мне нужен трон.

Квартоша и Квинтоша притащили в Медный Замок Большой Барабан.

Какофон важно уселся на него.

С этого дня Барабан стал служить королю тронем.

Нелегко было бедному Барабану. Но что поделаешь — король есть король!

И Барабан, кряхтя, прогнулся под тяжестью Какофона.

А приказы всё сыпались и сыпались.

Звонкоголосая Труба была произведена во вторые министры.

— Ты будешь Главной Фанфарой, — сказал ей король. — Будешь объявлять в городе мои распоряжения.

— Слушаюсь, ваше прекакофонство! — фальшивым голосом откликнулась Труба.

Из многочисленных тромбонів Медного Замка Какофон создал Медную Королевскую Гвардию.

Здоровенные, злые и, конечно, очень фальшивые — король успел позаботиться об этом! — они тотчас отправились в город следить за порядком.

А Какофон тем временем приказал:

— Ворота запереть, надпись стереть, город стеречь!

— А кто будет стеречь город? — спросил Сак-Софончик.

— Ну, уж это придумай ты, — недовольно сказал Какофон. — На то ты и первый министр.

— Я советую вашему прекакофонству назначить главным стражем города Великана-Геликона-Бомбардона. Если этот Бомбардон надуется и бумкнет, то может свалить целый дом.

— Отлично! — воскликнул Какофон. — Подать сюда Геликона-Бомбардона!

Вскоре появился Великан-Бомбардон.

Откровенно говоря, все боялись могучего Великана, кроме, пожалуй, самого Какофона, который мог при желании превратить его в грудку смятой меди. Но королю нужен был не металлолом, а главный страж города. И Какофон шепнул Сак-Софончику:

— Займи его чем-нибудь, пока я буду колдовать.

Сак-Софончик зашёл за спину Геликона и вдруг сказал:

— Ай-я-яй, где это вы так измазались, дорогой Бомбардон?

— Я, бум-бум? Я измазался? Где это ты видишь, бездельник?

— Да у вас вся спина в саже, — ответил Сак-Софончик.

— Ну так сотри, — нетерпеливо загудел Бомбардон. — Чего ты медлишь, бум-бум!

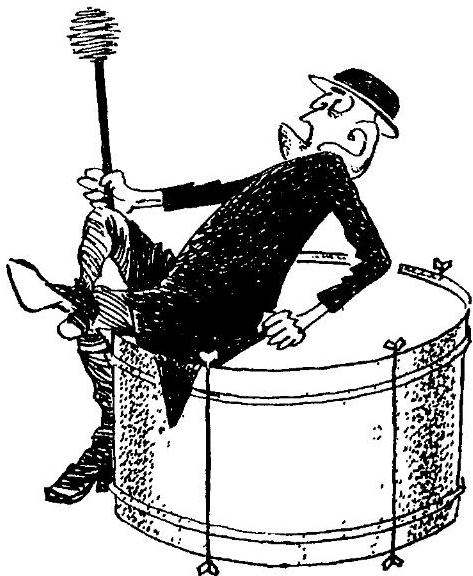
Сак-Софончик стал на цыпочки и принялся стирать со спины Геликона несуществующую грязь.

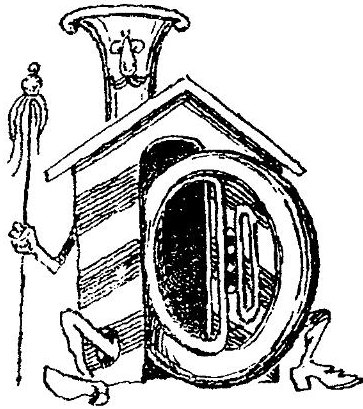
А Какофон быстро-быстро вращал глазами и торопливо шептал заклинания.

Наконец Великан-Геликон стал извиваться. Его здоровенные медные трубки трещали с такой силой, будто где-то рядом валяли лес.

— Что такое? Что со мной? — загрохотал Геликон. — Где я? Кто я? Кто вы? Кто мы? Я ничего не понимаю, я ничего не соображаю, бум-бум-бум-бум!

— Ты теперь главный страж города! — крикнул Како-

фон, едва только замолк бас Геликона. — Смотри в оба и посторонних не пускай. Ясно?

— Ясно! — рявкнул Бомбардон с такой силой, что Какофон едва не свалился с Барабана.

— Это не голос, а бомба! — радостно воскликнул он. — Теперь я спокоен за своё королевство.

Великана-Геликона-Бомбардона увели к городским воротам.

Там стояла полосатая сторожевая будка.

Великан трижды обошёл её.

— Могли бы снять с меня мерку, прежде чем строить будку, — недовольно пробумкал он.

Сторожевая будка оказалась намного меньше самого сторожа.

Недолго думая Геликон пробил в будке пять дырок: две — для рук, две — для ног и одну, самую здоровенную, в крыше — для головы.

А голова у Бомбардона была значительно больше, чем руки и ноги, вместе взятые.

Потом Геликон-Бомбардон отшвырнул в сторону дверь, которая отлетела, как бумажный листок, подхваченный ветром, и, сердито бумкая, просунул в дырки поочерёдно руки, ноги и голову.

Мастер Триоль начинает кое о чём догадываться

А тем временем Дирижелло наконец догнал мастера Триоля.

Теперь они спешили обратно. И конечно, ещё ничего не знали о том, что произошло в городе за эти несколько дней.

Всю дорогу мастер Триоль ворчал:

— По милости этого проходимца я чуть не заблудился. Если он ещё раз попадётся мне на глаза, я выскажу ему всё, что о нём думаю.

— А он меня за ухо отодрал, — вставил Дирижелло.

— Отодрать за уши надо было меня. За легкомыслие и доверчивость, — сказал Триоль. — И в этом нет никакого сомнения!

И весь остаток пути старый мастер никак не мог успокоиться — всё что-то бормотал, сокрушённо покачивая головой.

В рабочей комнате Маэстро, куда спустя некоторое время вошли Дирижелло и Триоль, среди разбросанных вещей одиноко стояло кресло Гармониуса. Но самого Гармониуса в кресле не было.

— Маэстро обещал мне быть дома, — растерянно произнёс Дирижелло.

— Обещание сдержало лишь кресло, — проворчал Триоль. — И вообще нам тут больше нечего делать. Пошли скорее в город. Эти таинственные истории мне что-то не нравятся.

День был жаркий. Солнце палило так, что дорога казалась раскалённой жаровней.

— Фу! — сказал Триоль. — Нет ли какой-нибудь дороги поприятнее?

— Есть, — ответил Дирижелло. — Пойдёмте лесом. Но на это мы потратим гораздо больше времени.

— Лучше потратить больше времени, чтобы остаться самим собою, чем за короткое время растаять, подобно кусочку канифоли, брошенному в огонь, — проворчал Триоль.

И они свернули в лес.

Это был дремучий лес. С каждым шагом он становился всё гуще и гуще. Солнечные лучи уже с трудом пробивались сквозь сплошную листву деревьев.

Некоторое время Дирижелло и мастер Триоль шли молча. Вдруг Дирижелло вскрикнул.

Он увидел зелёный лучик света, который начинался где-то внизу и упирался в морщинистый ствол старого дуба.

Дирижелло подбежал к дереву и поднял из травы маленький светящийся камушек.

— Мастер Триоль, — воскликнул он, — смотрите, зелёный светлячок!

Триоль присмотрелся и удивлённо покачал головой.

— Изумрудный камушек? Совсем недавно я украсил им головку Виолыны...

В зеленоватом свете изумруда на соседнем кусте блеснула тонкая нить. Дирижелло принял её за паутину, но мастер Триоль сказал:

— Это серебряная струна Виолыны.

— Изумруд Виолыны? Струна Виолыны? Но как они оказались в глухом лесу?

— Тс-с-с... — Мастер Триоль приложил палец к губам. — Слышишь, кто-то стонет?

Мастер направил свет изумрудного камушка на куст, и они увидели Первую Скрипку Капеллианы — Виолину. Но в каком она была виде — вся в трещинах, в царапинах, без колков и струн!

— Вот тебе и разгадка! — воскликнул Триоль. — Вернее, ещё одна загадка.

Он поднял Скрипку с земли:

— Что с тобой? Кто разбил тебя?

— Какой-то злой ушастый человек...

— Между прочим, — задумчиво произнёс Триоль, — старичок, который так ловко обманул меня, тоже был ушастый.

— А глаза? — воскликнул Дирижелло. — Какие у него были глаза?

— Довольно противные, — ответил Триоль. — И к тому же вертелись в разные стороны.

— Он! — вскричал Дирижелло. — Это он разбил Виолину!

— Я умираю... — чуть слышно простонала Скрипка.

— Нет, ты не умрёшь, — сказал мастер. — В присутствии Триоля не умер ещё ни один музыкальный инструмент!

Он раскрыл свой чемоданчик. Достал оттуда ножички, напильники, крючки, струпины, бутылочки с клеем и лаком и принялся за дело. Он заклеил трещины, покрыл их золотистым лаком, натянул новенькие струны, заменил полованные колки, и Виолина вдруг почувствовала, что к ней возвращается её чудесный голос.

— Какое счастье!.. — запела она. — Голос мой звучит ничуть не хуже, чем раньше!

— И в этом не могло быть никакого сомнения! — ответил Триоль, пряча в чемоданчик свои инструменты.

— Он волшебник, — шепнула Виолина Дирижелло.

— Да, — согласился мальчик. — Он замечательный волшебник, наш мастер Триоль.

Редко случается, чтобы обыкновенный человек из обыкновенного города был признан волшебником в волшебной стране.

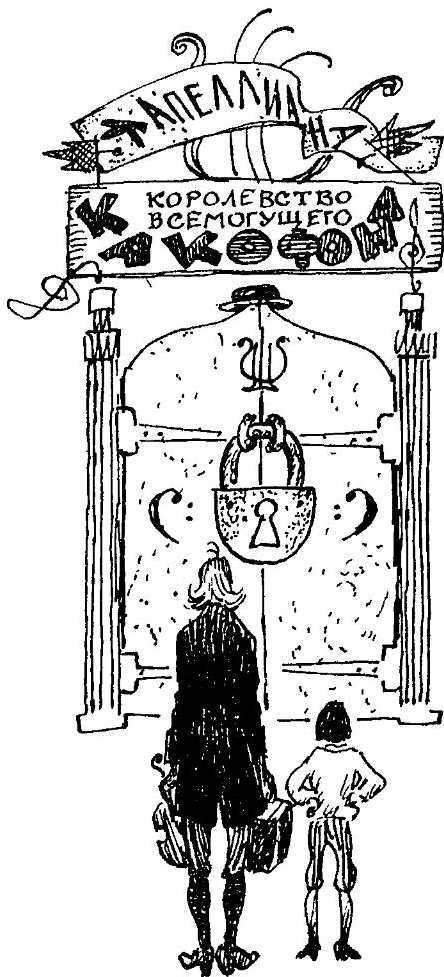
— Допустим, — усмехнулся Триоль. Хотя и польщённый словами друзей, он тут же проворчал: — Это мало что меняет. Нас окружают загадки, сплошные загадки... Что задумал незнакомец, который отодрал тебя за ухо, сделал фальшивыми жителей Певучего Замка, послал меня в несуществующую страну, разбил Виолину? Куда пропал Маэстро Гармониус? Где Партитура? Загадки, загадки, загадки... Нам нельзя терять ни минуты. В город, друзья, скорее в город!

И они почти бегом направились в Капеллиану.

Каково же было их изумление, когда на воротах города они увидели замок величиной с барабан.

— Эти ворота раньше никогда не запирались! — вскричал Дирижелло.

Но внимание мастера привлёк не замок, а сторожевая будка, с ногами, руками и головой Геликона-Бомбардона.

— Кто вы такие, бум-бум-бум? — загремел Великан.

Мастер Триоль вздрогнул. Такой фальши он не слышал ещё ни разу в жизни.

— Понятно, — сказал он. — Этот бедняга крепко пострадал. Кто-то помял и погнул ему трубочки. Уж не дело ли это рук ушастого?

— Бум-бум-бум! — зарычал Великан.

— Послушай, голубчик, — сказал Геликону Триоль. — Зачем так волноваться? Давай-ка лучше я почию тебя.

— Прочь от ворот, бум-бум! — окончательно рассвирепел Бомбардон и взмахнул медной дубинкой.

Мастер Триоль проворно отскочил в сторону, увлекая за собой Дирижелло и Виолину.

— Не очень гостеприимно... — проворчал он. — Может быть, мы попали не в свой город?

— Как же не в свой? — ответил Дирижелло. — Тут ясно написано...

Дирижелло, мастер Триоль и Виолина подняли глаза к вывеске над воротами.

Надпись «ГОРОД КАПЕЛЛИАНА» с припиской «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» кто-то накрест перечеркнул чёрной краской. Вместо неё была намалёвана другая: «КОРОЛЕВСТВО ВСЕМОГУЩЕГО КАКОФОНА. ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН»

Никто не проронил ни звука. Потом Триоль сказал:

— Теперь я, кажется, начинаю кое о чём догадываться. Капеллиана захвачена неизвестным, который именуется Какофоном. А Какофон и ушастый человек — одно и то же лицо. И в этом нет никакого сомнения!

Бомбардон и верёвочка

— Мы погибли, — жалобно сказала Виолина.

— Что же делать? — спросил Дирижелло.

— Попасть в город любыми путями! — ответил мастер Триоль. — А там будет видно...

— Может быть, попробовать перелезть через стену? — предложил Дирижелло.

— Мой юный друг, — сказал Триоль, смерив взглядом стену, — это не по мне. Да и ты едва ли заберёшься на неё.

На самом деле стена была высоченная и совершенно гладкая.

Положение казалось безвыходным.

Великан-Геликон продолжал расхаживать вдоль ворот и воинственно помахивать дубинкой.

Дирижелло некоторое время внимательно наблюдал за ним, потом вдруг сказал:

— Вот если бы верёвка...

— Зачем тебе понадобилась верёвка? — спросил Триоль.

Дирижелло что-то шепнул ему на ухо.

— Ай, да молодец! — воскликнул мастер. — Отличная мысль.

— Да, но где взять верёвку?

— Верёвки у меня нет. Но есть нечто покрепче: контрабасовые струны. Если несколько струн связать между собой, то получится недурная верёвочка.

И Триоль полез в чемоданчик.

Минута-другая — и верёвка была готова.

Один конец этой верёвки мастер с помощью Дирижелло привязал к стволу могучего дерева, а на другом сделал широкую петлю.

— Ну, — сказал он, — пробуй. Да смотри не промахнись!

Дирижелло нацелился на главного стража города и метнул петлю.

Струна тонко просвистела в воздухе и упала на шею Бомбардону.

Великан дёрнулся раз, другой и крепко затянул петлю.

— Попался! — закричал Дирижелло.

Великан рассвирепел не на шутку:

— Бум-бум-бум! Я вот сейчас поймаю тебя, паршивый мальчишка...

И он бросился на Дирижелло. Но крепкая струна не отпустила Бомбардона. Он невольно забегал вокруг дерева, словно козёл на верёвочке.

Всё кружилось перед его глазами. Струна, наматываясь на ствол, становилась всё короче и короче, пока наконец Геликон не стукнулся лбом о ствол: трах!

И он плюхнулся на землю.

— Ах так, бум-бум-бум! — возмутился он. — Ну погоди у меня...

И он побежал в обратную сторону.

И опять закружился вокруг дерева, пока не раздалось новое «трах!».

На этот раз Бомбардон и вовсе запутался в контрабасовой струне и остался лежать у дерева.

А мастер Триоль не терял времени даром. Он пытался открыть замок.

В руках у него мелькали стальные крючки, острые пилки, крепкие железные кусачки.

Вскоре замок повис на одной створке городских ворот.

Путь был свободен.

В Капеллиане

Очутившись в городе, друзья направились в разные стороны. Виолина и мастер Триоль поспешили в Певучий Замок, а Дирижелло решил разузнать, что творится в городе.

Не успел он сделать и ста шагов, как услышал окрик:

— Именем Какофона!..

К нему направлялись стражники — усатые братья тромбоши.

— За мной! — крикнул первый стражник, по кличке Квинтоша.

— Нет, за мной! — крикнул второй, по кличке Квартоша.

Они вцепились в Дирижелло своими медными лапами.

— Я его поймал! — завопил Квинтоша. — И теперь получу орден Какофонии.

— Нет, я его поймал! — завизжал Квартоша. — Орден полагается мне.

И они потянули мальчика за собой. Хорошо, что им нужно было идти в одном направлении, а то они разорвали бы его пополам.

В Медном Замке тромбоши втокнули Дирижелло в тёмную комнату.

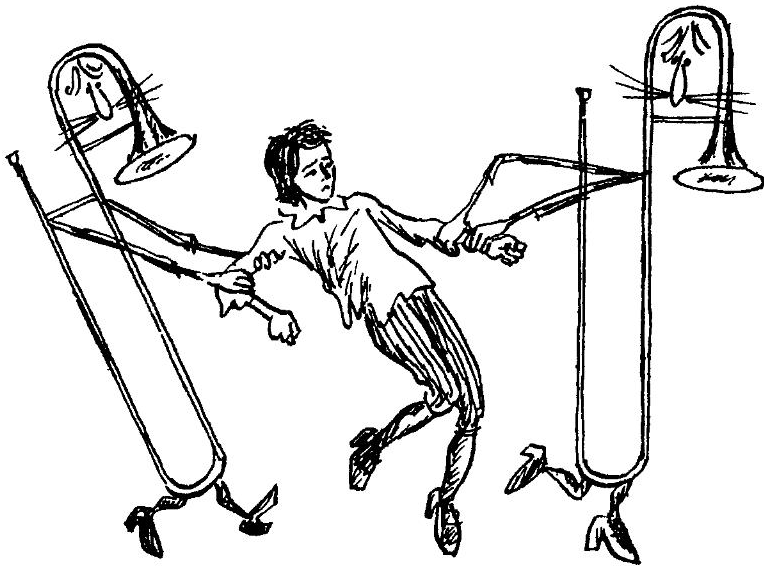
Дверь комнаты была окована толстым медным листом. Когда-то здесь хранились ноты, которые писал для медных инструментов Маэстро Гармониус. Теперь тут пахло гарью.

В углу лежала большая груда пепла. От неё ещё тянуло жаром: Какофон собственноручно только что сжёг здесь сочинения ненавистного Гармониуса.

— Я запру мальчишку! — сказал Квинтоша, отталкивая братца. Ему мерещился орден.

— Нет, я запру мальчишку! — сердито ответил Квартоша. Ему тоже мерещился орден.

Он вырвал у Квинтоши ключи. Квинтоша не остался в долгу. Что было сил он стукнул Квартошу по голове и убежал на улицу.

— О-о-о! — заревел Квартоша и припустился за Квинтошей.

Дверь так и осталась незапертой.

Дирижело не замедлил воспользоваться этим. Он крадучись выбрался из комнаты и спрятался за выступ стены.

Едва он укрылся, как появились тромбози.

Они возвращались с новой жертвой. Это была Валторна.

Она — единственный обитатель Медного Замка — осталась целой, невредимой и нефальшивой. Когда с приходом Какофона раздались фальшивые вопли тромбош, труб и геликонов, Валторна почуяла неладное и незаметно покинула замок.

Она скрывалась у старика Фагота. Но сейчас она неосторожно вышла из Деревянного Замка, попала на глаза тромбозам и тут же была схвачена.

— Отпустите меня, — молила Валторна. — Не губите меня. Я стану такой же злой и фальшивой, как вы...

— Ха-ха-ха! — неслось в ответ. — Наш король живо разделается с тобой.

Лица тромбоз сияли, как начищенные до блеска медные тарелки. Ещё бы, такая удача! Сразу два пленника!

Они втокнули бедную Валторну в комнату, где только что находился Дирижелло.

Исчезновения мальчика они не заметили.

— Я сейчас доложу его прекакофонству, — начал Квартоша, запирая дверь.

— Нет, я доложу его прекакофонству! — крикнул Квинтоша.

И они устремились к королю. Но в этот час Какофону и его министрам было не до тромбош.

В Медном Замке поднялась тревога...

Почему Триоль очутился в мешке из-под угля

Когда Виолина и Триоль появились в Певучем Замке, из угла, роняя горькие слёзы величиной с миндальные косточки, вышел грустный-прегрустный дедушка Бассо-Контрабассо. Он склонился к самому уху Триоля и что-то пробасил.

От неожиданности с носа мастера свалились очки.

— Фу, какая фальшь! — воскликнул он.

А фальшь, нужно сказать, была для мастера Триоля так же нетерпима, как для больного зуба ледяная вода.

— Бу-бу-бу, — попытался снова что-то объяснить Контрабассо, но слёзы с новой силой застучали по его могучей груди.

— Такой большой, а хнычет, — добродушно проворчал Триоль. — Нельзя, голубчик. Вы от сырости можете расклеиться.

И мастер Триоль принялся вертеть у Бассо колки.

Через минуту Контрабассо так настроился, что перестал фальшивить.

А там была настроена прекрасная Челла-Виолончелла. А за ней — пошетты. А за пошеттами — все, кто успел пострадать за эти несколько дней царствования Какофона.

А потом Челла-Виолончелла рассказала мастеру Триолю о том, что происходит в городе. О том, что тромбоши из медной королевской гвардии словно с ума посходили: никого не узнают, ничего не признают и фальшивят так, что уши вянут.

Мастер Триоль вспомнил о Великане-Геликоне.

— Этот самозванец Какофон помял и погнул им трубки и трубочки. В этом нет никакого сомнения!

И мастер Триоль тотчас же, забыв всякую осторожность, отправился в свой домик и принялся за работу.

Из кусочков меди он стал делать новые трубки и трубочки.

Над Капеллианой зазвенел золотой молоточек. Казалось, что Триоль не работает, а играет на сказочном ксилофоне весёлую песенку.

Этот веселый звон услышал Какофон.

— Что это такое? — спросил он. — Кто смеет без спроса и разрешения тренькать в моём королевстве?

— Не знаем, — ответили министры Какофона.

— Узнать и доложить!

Сак-Софончик помчался в ту сторону, откуда раздавался звон, и заглянул в домик мастера.

Он сразу понял, чем занимается Триоль.

— В город вернулся мастер Триоль, — доложил Сак-Софончик Какофону. — Он делает трубки и трубочки.

Какофон нахмурился:

— Пока этот мастер тренькает на своей наковальне, моё королевство в опасности. И если он сейчас же не будет арестован, я разжалую тебя в простого тромбошу!

Сак-Софончик испугался. Ему очень не хотелось превратиться в стражника с проволочными усами.

— За мной! — закричал он и помчался исполнять приказание.

За ним последовали тромбоши и дядька Цуг-Тромбон.

Стражники ворвались в домик мастера Триоля.

— Именем короля Какофона — вы арестованы!

— Молчать! — пролаял Сак-Софончик, хотя Триоль ещё не сказал ни слова. — Вы обвиняетесь в государственной измене!

Мастер Триоль рассмеялся в ответ:

— Помилуйте, никакого короля нет, никакого государства нет и никакой измены нет. Вас просто одурачил проходимец...

— Он оскорбляет его прекакофонство, нашего всемогущего Какофона! — с ужасом прогремел дядька Цуг-Тромбон и первый набросился на мастера Триоля.

В руках мастера был смычок.

— Дайте хоть дочинить смычок, — сказал он. — Не могу же я бросить работу на половине.

— В мешок предателя, и никаких смычков! — завизжал Сак-Софончик.

Тромбоши схватили Триоля и запихнули в старый мешок из-под угля.

Когда мешок был доставлен в Медный Замок, его бросили к ногам Какофона.

Из мешка с трудом вылез мастер Триоль, чёрный от угольной пыли, покрытый синяками и ссадинами.

— Слушай меня внимательно! — грозно сказал Какофон. — Век мелодий и гармоний прошёл. Мне надоела эта музыка. Я теперь король, и мои какофонии будут единственной музыкой на свете. Ясно?

Как ни печально было положение мастера Триоля, он не мог удержаться от смеха.

— Вы просто, сударь, не в своём уме. И в этом нет никакого сомнения!

Сак-Софончик, Труба, Цуг-Тромбон и братья тромбоши замерли от страха. Сказать такую дерзость... И кому? Королю!

Но Какофон пропустил мимо ушей замечание Триоля. Сейчас ему было важно другое, и он продолжал:

— Если хочешь остаться живым, иди ко мне на службу. Ты будешь моим придворным мастером. Я произведу тебя в министры по фальшивым звукам. Но ты должен сделать так, чтобы скрипки пели басом, контрабасы пищали скрипками, флейты трубили трубой, а валторны ухали филином. Тогда они станут достойными жителями Какофонии, а ты сохранишь голову на плечах!

— Так вот что ты за король! — воскликнул мастер Триоль. — Ты хочешь изуродовать голоса всех музыкальных инструментов? Ты самозванец и проходимец! Тебе не место в Капеллиане.

— Мне... мне... перечить вздумал, старая развалина, но-на-прима-децима-ундецима! — задыхаясь от ярости, взвизгнул Какофон. — Схватить его! Казнить его!

Мастеру Триолю больно скрутили руки и снова запихнули в мешок.

Мешок поволокли в подземелье Медного Замка. И так швырнули в угол, словно он на самом деле был набит углем.

Казнь мастера Триоля

За Барабанным Замком, неподалёку от озера Лимба, у самой городской стены, прячась в тени высоких деревьев, стояла маленькая хрустальная Вилла.

Гармониус назвал эту Виллу Челестой, что означает на языке музыкантов-волшебников — Небесная.

И на самом деле со стороны казалось, что между ствола-

ми деревьев застрял кусочек ночного звёздного неба — тонкие стены Виллы-Челесты сверкали, переливаясь тысячами ярких искорок.

В своё время в хрустальной Вилле жили Серебряные Колокольчики, но им было скучно в одиночестве и они переселились в Барабанный Замок, поближе к своим друзьям — весёлым тамбуринам.

Так и осталась стоять заброшенная Вилла-Челеста, которая, впрочем, никому не мешала, а в один прекрасный день оказала кое-кому неоценимую услугу.

Убежав из-под стражи и не подозревая, какая беда стряслась с мастером Триолем, Дирижелло спрятался в Вилле-Челесте.

Он решил дожидаться ночи, чтобы под покровом темноты пробраться в Певучий Замок, где, по его предположению, находился сейчас мастер Триоль.

У Дирижелло были все основания бояться погони.

Но прошёл час, другой, третий, и мальчик успокоился. Погони не было.

Дирижелло уже собирался покинуть гостеприимную Виллу, как вдруг послышался пронзительный голос королевской Трубы Фанфары, которая трубила на весь город:

— По велению его прекакофонства короля Какофона все жители города обязаны быть у озера Маримба не позднее полудня. Все проспавшие и опоздавшие будут утоплены в вышеупомянутом озере!

Дирижелло выглянул в окошко и увидел огромную толпу капеллиан, которая направлялась к озеру Маримба.

Когда толпа поравнялась с Виллой-Челестой, Дирижелло выскочил оттуда и смешался с горожанами.

— Что случилось? — обратился он к старой виолончели, по имени Виола-да-Гамбо.

— Говорят, — вполголоса ответила старая Виола, — что состоится казнь какого-то преступника.

Наконец они подошли к озеру.

В толпе шныряли королевские гвардейцы. Поэтому Дирижелло вскарабкался на большое дерево и спрятался в его ветвях.

С высоты мальчику было видно всё как на ладони.

— Расступись! — вдруг закричали гвардейцы. — Дорогу его прекакофонству!

И Дирижелло увидел в конце улицы странную процессию. Во главе её важно шествовал сам Какофон. Братья тромбоши волокли по земле мешок. Сак-Софончик следовал за тромбошами. Он то и дело молотил по мешку толстой дубинкой. Уже три ордена «За фальшивые услуги» позванивали на груди старательного министра.

Какофон уселся в тени дерева, на котором спрятался Дирижелло.

Мешок положили на краю обрыва, у самого озера Маримба.

Сак-Софончик вытащил из рукава свиток бумаги и передал его трубе Фанfare.

Та затрубила:

— За неповиновение, дерзость и оскорбление короля человек, по имени Триоль, приговаривается к смертной казни. Приговор неокончательный и обжалованию подлежит. Все, кто пожелает жаловаться, разделят участь Триоля. Есть желающие?

Толпа угрюмо молчала.

— Все согласны с решением вашего прекакофонства, — сказал Сак-Софончик Какофону.

— О мой верный народ! — воскликнул король.

Услышав приговор, Дирижелло чуть не свалился Какофону на голову.

Между тем Какофон взмахнул палочкой. Впрочем, это была не палочка, а здоровенная дубинка, которой Какофон поколачивал своих министров.

Тромбоши с двух сторон ухватились за мешок и стали его раскачивать. Потом разом отпустили.

Мешок описал под обрывом дугу, с шумным плеском упал в воду и сразу же пошёл ко дну. Широкие круги разбежались по поверхности озера. И это было всё, что осталось от старого мастера Триоля.

Министры Какофона выстроились в ряд и закричали:

— Слава королю Какофону! Ура!

Тромбоши эхом откликнулись:

— Слава, слава, ура-а-а!

Но капеллиане молчали и старались не смотреть друг другу в глаза. Лишь одна маленькая флейта Пикколо осмелилась пискнуть:

— Какая жестокость! В чём провинился наш бедный мастер Триоль?

— Что за неслыханная дерзость?! — возмутился Саксофончик.

А Какофон схватил болтуню за шиворот и зарычал:

— Я могу удовлетворить твоё любопытство, децима-ундецима! Отправляйся вслед за своим мастером. Он сам тебе там обо всём расскажет.

И швырнул Пикколо в озеро, которое жадно булькнуло и проглотило её.

Вскоре Какофон покинул берег озера Маримба. Вся свита последовала за ним.

Постепенно разошлась и толпа. На берегу не осталось ни души.

Дирижелло спустился с дерева, разделся и, не раздумывая, прыгнул в озеро.

Генеральная репетиция

Казнь мастера Триоля не принесла Какофону желанной радости. Впервые там, у озера Маримба, он почувствовал, что жители Капеллианы не только боятся его — в их взглядах и мрачном, суровом молчании он прочитал открытую ненависть.

Ведь ни один горожанин не поддержал возгласов министров и стражников, славящих его — Какофона!

«Неужели они не испытывают ко мне никакого почтения? — думал он. — Король я или не король, децима-ундецима?!»

Словом, Какофон был не в духе.

Он сидел верхом на Большом Барабане и хмуро наблюдал за тем, как идут приготовления к генеральной репетиции какофонии, которую он сам сочинил.

А сочинял он обычно так: заставлял жителей Медного Замка трубить и вопить всё, что им взбрѣдет в голову.

И над Капеллианой стоял безобразный, фальшивый рѣв — репетиция шла своим чередом.

Труба Фанфара, задрав голову в серебряном шлеме, трубила:

— Ту-ра-ра-ра, ту-ра-ра!

Свирепый дядька Цуг-Тромбон вопил фальшивым голосом:

— Тром-ба, тром-ба, тром-ба-ба!

Первый министр Сак-Софончик, извиваясь змеёй вокруг Какофона, лаял, мяукал, визжал и хрюкал.

Время от времени он подавал королю то барабанные палочки, то звонкие медные тарелки.

— Трах-бум, бум-трах! — громыхал под ударами палочек Большой Барабан.

— Цзинь-цзинь! — пронзительно звенели Медные Тарелки.

А Какофон всё был недоволен.

— Разве это какофония? — сердился он. — Стучите ногами, бросайтесь друг на друга, падайте на пол, бейтесь головами об стенку!

И весь замок от подземелья до крыши ходил ходуном.

Этот невероятный шум, визг, топот и грохот — какофония Какофона — приводили капеллиан в ужас.

От какофонии невозможно было спрятаться. Она проникала в каждый замок, в каждый теремок, в каждую щель.

— С ума сойти можно, — уныло басил добрый дедушка Бассо-Контрабассо, поминутно хватаясь за голову.

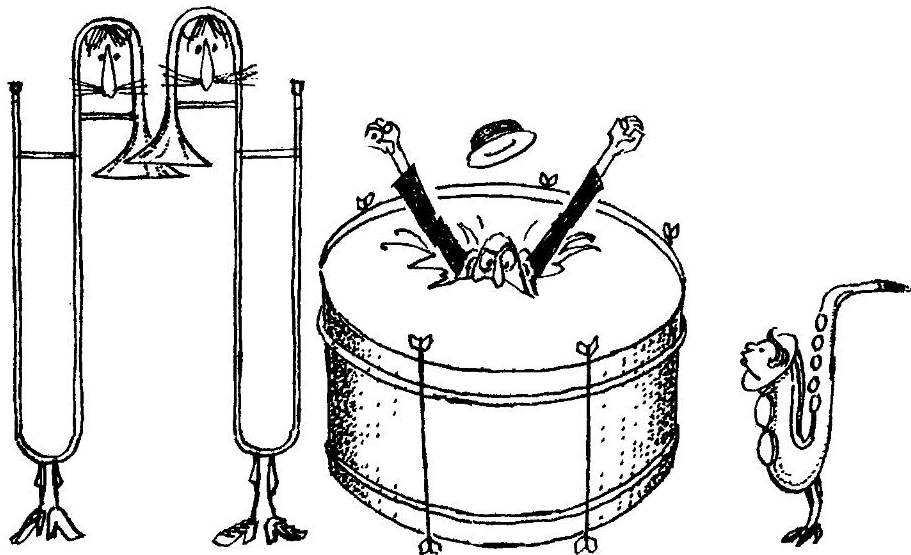
— Бежать скорее прочь из этого города! — взволнованно говорила Челла-Виолончелла.

— Куда? — со вздохом отвечал рассудительный Альт. — Разве вам неизвестно, что от Какофона нигде не скроешься?

А Виолина пыталась провести очередной урок с пошеттами.

— Ля-ля-ля-ля... — невпопад твердили пошетты грустными голосами, и Виолине приходилось прерывать занятия.

В самый разгар генеральной репетиции Сак-Софончик обратился к Какофону:

— Ваше прекакофонство, благодаря моей бдительности тромбоши задержали два лица. Одно — это предательница Валторна, которая тайно сбежала из Медного Замка, другое — Дирижелло, любимый ученик Гармониуса. Что прикажете с ними делать?

— Доставить их сюда!

Репетицию пришлось прервать.

За пленниками тотчас послали братьев тромбош.

Вот тогда-то и обнаружилось, что Дирижелло сбежал.

Ух как рассердился Какофон!

От злости он так прыгал на Барабане, что барабанная кожа не выдержала, и его прекакофонство провалилось на дно.

Труба Фанфара, дядька Цуг-Тромбон, Литавра, Пузатая Туба, Медные Тарелки, тромбоши, Сак-Софончик — словом, все приближённые стояли навтыжку перед дырявым Барабаном, на дне которого барахтался король. Они не сме-ли даже пошевелинуться.

— А ты что зевала, старая кастрюля? — крикнул Какофон, выкарабкиваясь из Барабана.

Это относилось к Литавре, которая и в глаза-то не видела никакого мальчика.

Чувствуя, что и ему не миновать королевского гнева, хит-

рый Сак-Софончик решил отвлечь внимание Какофона. Он спросил:

— Осмелюсь узнать, ваше прекакофонство, а что нам делать с предательницей Валторной?

Несчастливая Валторна валялась тут же на полу, крепко стянутая верёвкой.

— Ага, децима-ундецима! — обрушился на неё Какофон. — Отвечай, почему сбежала из моего королевского замка?

Что могла ответить Валторна, если у неё во рту торчал здоровенный кляп?

Дядька Цуг-Тромбон робко кашлянул:

— Разрешите, я вытащу из неё кляп...

— Сам ты кляп! — рывкнул Какофон. — Я разжалую тебя в простого тромбозу.

Цуг-Тромбон в ужасе шагнул назад и придавил медным сапогом Валторну.

— Что вы делаете! — закричала Валторна, и кляп пробкой вылетел у неё изо рта.

Он угодил Какофону прямо в глаз:

— Она покушается на жизнь нашего короля! — закричала Труба Фанфара.

— Её подослал Гармониус! — завопил Сак-Софончик.

— Ну приготовься! — злобно процедил Какофон, потирая подбитый глаз. — Сейчас я превращу тебя...

— В деревянную трещотку, — угодливо подсказал Квинтоша.

— Нет, в канифольную пыль, — возразил Квартоша.

— Вон из замка! — прикрикнул на них Какофон. — И не смей возвращаться без мальчишки, а то я из вас сделаю... не знаю, что сделаю!

Тромбоз словно ветром сдуло. Они опрометью выскочили из замка. Остальные приближённые короля тоже помчались на поиски мальчишки.

Оставшись наедине с Валторной, Какофон злобно прошипел:

— *Кача-ча, качи-чи, кирла-мирла, камп-камп!*

Раздался треск и скрежет. У бедной Валторны, исковерканной, изуродованной и, конечно, очень фальшивой, начи-

сто отбило память, и она преданно посмотрела в глаза Какофону, словно всю жизнь была у него на службе.

— Что стоишь, зря время теряешь, — буркнул Какофон. — А ну марш на поиски мальчишки!

И Валторна, выскочив из замка, примкнула к преследователям.

Дирижелло поймали у озера Маримба. Он всё ещё нырял, пытаясь спасти мастера Триоля.

Дирижелло в подземелье Медного Замка

— Это я его поймал, — сказал Квартоша.

— Нет, это я его поймал! — возразил Квинтоша.

Оба получили от дядьки Цуг-Тромбона по увесистому подзатыльнику.

— Преступник задержан мною, ваше прекакофонство, — скромно сказал он и так выпятил грудь, что она едва не оторвалась от туловища.

— При моём личном участии, — вставил Сак-Софончик и оттеснил дядьку Цуг-Тромбона.

Но Какофон даже не обратил внимания на своих министров и стражников. Он приступил к допросу:

— Ты зачем пожаловал в мою Какофонию?

Дирижелло понимал, что теперь от его находчивости зависит не только его собственная жизнь, а судьба всего города.

— Несколько дней тому назад я убежал из дома Маэстро Гармониуса... — начал он.

Какофон подскочил, словно его кольнули булавкой. Он не переносил имени великого сочинителя, особенно когда оно произносилось вслух.

— Я написал музыку, — как ни в чём не бывало продолжал Дирижелло. — А Маэстро сказал: «Ужас, а не музыка — сплошная какофония!» И хотел поколотить меня. Ну, я и убежал...

— Какофонию? — прищурился Какофон. — А ну давай её сюда!

— Что?

— Какофонию, которую ты сочинил. Если ты на самом деле сочинишь какофонии, то я сохраню тебе жизнь и назначу помощником главного сочинителя какофоний. А главный сочинитель — это я!

— Но... но... Маэстро изорвал мою тетрадь.

— Ваше прекакофонство! — вмешался в разговор Сак-Софончик. — Осмелюсь доложить — мальчишка врёт. Это же любимый ученик Гармониуса. Где он мог научиться сочинять какофонии?

— Врёт, говоришь? — зловеще произнёс Какофон. — Ну, это мы сейчас проверим.

Он не сводил с лица мальчика глаз, вращающихся в разные стороны.

— Напиши-ка заново какофонию, которую ты сочинил, — наконец сказал он.

Хоть Дирижелло было очень не по себе, он твёрдо сказал:

— Дайте мне нотную бумагу.

«Сейчас понаставлю нотные знаки как придётся, — подумал мальчик, — вот и получится какофония».

— Эй, Сак-Софончик, дай ему нотную бумагу! — приказал Какофон первому министру.

— Эй, Фанфара, дай ему нотную бумагу! — крикнул первый министр второму.

— Эй, дядька Цуг, дай ему нотную бумагу! — эхом отзывалась Труба Фанфара.

— Эй, тромбоши, бумагу живо! — закричал Цуг-Тромбон.

— У нас нет нотной бумаги, — пролепетали тромбоши.

— Кто сказал — нет!?! — грозно переспросил Какофон.

— Это он сказал, — свалил Квинтоша на Квартошу.

— Нет, это он сказал, — тотчас кивнул Квартоша на Квинтошу.

И тот и другой немедленно получили по голове барабанной палкой. Головы их загудели, как медные колокола.

— Срочно разыскать бумагу! — приказал Какофон.

Поставили на ноги весь Певучий Замок. Перерыли всю Капеллиану. Арестовали и обвинили в государственной из-

мене три скрипки и Малый Барабанчик, но бумаги так и не нашли. Ни листочка.

Сам-то Какофон, сочиняя свои какофонии, обходился без бумаги. Откровенно говоря, он был малограмотным.

И вдруг Сак-Софончик вспомнил о Партитуре.

— Осмелюсь доложить, ваше прекакофонство, единственная нотная бумага имеется в книжке Гармониуса.

— Но она вся исписана, — промышчал Какофон и задумался.

Сердце Дирижелло затрепетало: «Неужели я сейчас узнаю, где находится Партитура?»

Неожиданно ему пришла в голову счастливая мысль.

— В конце Партитуры должно быть несколько чистых листочков, — сказал он. — Их вполне хватит, чтобы записать какофонию.

— Ладно, — согласился Какофон. — Заприте мальчишку в подzemелье, где валяется эта проклятая книжка. И пусть пишет.

Дирижелло увели.

В подzemелье было темно и холодно. Ни один луч света не проникал в глубокий подвал с позеленевшими от сырости стенами.

Когда глаза мальчика немного привыкли к темноте, он принялся искать Партитуру.

Вдруг ему почудилось, что за его спиной кто-то движется. Дирижелло замер и прислушался.

Шум повторился — не то кашель, не то вздох.

«Неужели крысы?!» — в ужасе подумал Дирижелло, но в следующее мгновение он услышал хорошо знакомый голос:

— Кажется, я вижу ученика Маэстро Гармониуса?

— Мастер Триоль! — воскликнул Дирижелло. — Неужели это вы?

— И в этом нет никакого сомнения, — ответил Триоль. — А вот и Партитура. Я её на всякий случай держал за пазухой.

Дирижелло схватил Партитуру и прижал её к груди:

— Как обрадуется Маэстро Гармониус!

— Ты что-нибудь узнал о своём Маэстро?

— Нет, — печально ответил мальчик.

— Эти волшебники умудряются исчезать тогда, когда больше всего нужны, — проворчал Триоль.

Лицо мастера было черно от угольной пыли. На лбу, между глаз, багровела здоровенная шишка. Волосы и борода были спутаны. Угольная пыль набилась в ноздри, и он по минутно чихал.

— Наконец-то я могу спокойно почихать, — весело сказал он.

— Как я рад, что встретил вас! — воскликнул Дирижелло.

— Ап-чхи!

— Как замечательно, что вы живы и здоровы...

— Ап-чхи-и-и!

— Но кто же был в мешке, который утопили в озере?

— Ап-чхи-и-и-и-и-и!

Триоль чихал минут десять. Потом, кряхтя и вздыхая, уселся рядом с мальчиком.

— Значит, ты думал, что с мастером Триолем можно так просто расправиться? Раз, два — и в озеро? — проворчал он. — Нет, сударь! — Мастер погрозил кому-то кулаком. — Я надул этих глупых тромбош, а вместе с ними их короля-самозванца!

— Кто же всё-таки был в мешке? — вновь спросил Дирижелло.

— Мешок, в котором я сидел, был плохо завязан. Мне ничего не стоило выбраться оттуда. Я набил мешок камнями, мусором и всякой всячиной. Словом, всем, что попало под руку. Когда тромбоши поволокли мешок к выходу, я не выдержал и громко сказал: «Ну и болваны!» Тромбошам показалось, что это голос из мешка. Они начали топтать и колотить его.

Дирижелло рассмеялся:

— Значит, я нырял в озеро за мешком с камнями?

И мальчик рассказал Триолю о том, что произошло у озера Маримба.

Вдруг загредел засов, и в проеме двери подземелья показали братья тромбоши.

Они пришли проверить работу мальчика.

Мастер Триоль укрылся в своём углу, а Дирижелло сказал:

— Я не могу писать в темноте. Дайте мне свечку.

В руках у тромбош было по свечке.

— Оставь ему свечку, — сказал Квинтоша и толкнул локтем Квартошу.

Свечка Квартоши упала на пол и погасла.

— Нет, это ты оставь ему свечку! — сказал Квартоша и тоже толкнул Квинтошу.

Вторая свечка хлопнулась на пол и погасла.

— Я ничего не вижу! — закричал Квинтоша.

— И я ничего не вижу! — может быть, впервые в жизни согласился Квартоша с Квинтошей.

— Эй, мальчишка, где ты? — закричали они хором. — Иди сюда, а то мы поколотим тебя.

«Как бы не так! — подумал Дирижелло. — Дверь-то осталась незапертой!»

Он метнулся в угол, где прятался мастер Триоль, и схватил его за руку.

— Бежим! — шепнул он.

— Где Партитура? — так же шёпотом спросил Триоль.

— У меня, скорей!

И они выскользнули из подземелья.

В двери торчал огромный медный ключ.

— Ра-а-з! — И Триоль со скрежетом повернул его.

Братья тромбоши оказались запертыми в подземелье.

В темноте Квинтоша налетел на Квартошу и вцепился в него.

— Ура! — закричал он. — Я поймал мальчишку.

— Нет, это я поймал мальчишку, ура! — закричал Квартоша и в свою очередь вцепился в Квинтошу.

Каждый был уверен, что держит в руках Дирижелло. Они что было сил лупили друг друга и приговаривали:

— А-а, ты ещё драться вздумал? Так получай же — на тебе, на тебе!

А Дирижелло и мастер Триоль тем временем бежали прочь от Медного Замка.

Каждую минуту беглецы слышали голоса королевских стражников, которые перекликались друг с другом:

— Эй, как у вас там, всё ли спокойно?

— У нас спокойно, а у вас?

От этих возгласов ночь казалась неприветливой, тревожной, полной опасности.

Лишь главный страж города Великан-Бомбардон, привязанный к дереву, безмятежно храпел. Да так, что на городских воротах подпрыгивал замок.

Соблюдая все меры предосторожности, Дирижелло и мастер Триоль наконец благополучно добрались до Виллы-Челесты и укрылись под её хрустальными сводами.

Мастер Триоль внимательно обследовал каждый уголок Виллы и обнаружил вход, ведущий в глубокий подвал. И хотя сюда не проникал ни единый луч, в подвале было светло как днём: от хрустальных стен со всех сторон исходило голубое сияние.

В подвале было пусто, если не считать огромного сундука, который тоже оказался пустым.

— Здесь можно славно поработать, — сказал мастер Триоль. — Подвал настолько глубок, что никто за пределами Виллы не услышит ни единого звука. Нужно только перетащить сюда все мои инструменты, а заодно предупредить жителей Певучего Замка, что мы живы и здоровы.

Так они и сделали.

Как тромбоши лишились своих усов

На следующее утро Какофон велел привести Дирижелло.

— Посмотрим, что он там нацарапал, — сказал Какофон.

Но вместо мальчика к нему привели братьев тромбош. Они колотили друг друга всю ночь и бросили это занятие лишь тогда, когда дядька Цуг-Тромбон распахнул дверь подземелья и крикнул:

— Мальчишку — к его прекакофонству!

До чего же разгневался Какофон, узнав, что Дирижелло сбежал! Он опять запрыгал на своём троне — Барабане. Но

на этот раз барабанная кожа не лопнула. Барабан был новенький, и Какофон подскакивал на нём всё выше и выше, пока не стукнулся головой об потолок.

— Вы понимаете, разбойники, болваны, кого вы упустили?! — надрывался он. — Ведь мальчишка не простой, а ученик Гармониуса. Да он ещё и Партитуру прихватил с собой!

Во все концы Капеллианы были посланы гвардейцы Какофона. Они обшарили все четыре замка города, обыскали там каждый уголок, и лишь в заброшенную Виллу-Челесту никто не догадался заглянуть.

К ночи, дрожа от страха, министры Какофона доложили своему королю:

— Его нигде нет...

Какофон заскрежетал зубами:

— Усилить охрану в городе. А этих растяп тромбош отколотить медными палками!

Приговор был немедленно приведён в исполнение.

Избитых, измятых, с повисшими усами и разбитыми носами, еле живых тромбош бросили в подземелье.

На прощание Какофон пригрозил:

— Вы будете валяться там, пока не позеленеете от сырости. А потом вас повесят на воротах моего королевства: пусть все знают, что значит плохо служить Какофону, но-на-прима-децима-ундецима!

Поистине у тромбош было железное, вернее, медное здоровье. После перенесённых побоев они не только не вытянули ноги — они не потеряли способности спорить и ругаться.

Отлежавшись немного, Квинтоша накинулся на брата:

— Это ты во всём виноват!

— Нет, это ты во всём виноват! — огрызнулся Квартоша.

— Ах так? Ну, я сейчас тебе покажу!

Но тромбоши не успели подраться. Дверь подземелья распахнулась. Они увидели дядьку Цуг-Тромбона.

— Эх вы, горе-родственнички... — насмешливо сказал он. — Зеленейте поскорее! Я собственноручно повешу вас на воротах города. За это я обязательно получу орден «За фальшивые услуги». Так мне сказал сам Какофон.

Это было уж слишком. Такого брата тромбоши вынести не могли.

— Ну держись! — завопил Квинтоша. — Я сейчас поколочу тебя!

И бросился на Цуг-Тромбона с кулаками.

— Нет, это я поколочу его! — немедленно откликнулся Квартоша и тоже кинулся на дядюшку.

Сами того не подозревая, тромбоши оказали друг другу величайшую услугу: вдвоём они живо разделались с могучим дядькой Цугом и, выбравшись из подземелья, заперли дверь.

— Я спрячусь в Вилле-Челесте, — хмуро сказал Квинтоша. — А ты как хочешь.

— Нет, это я спрячусь в Вилле-Челесте! — буркнул Квартоша. — А ты как хочешь!

Толкаясь и обгоняя друг друга, они затопали к хрустальной Вилле.

Первым туда вошёл Квинтоша. Он увидел Дирижелло и завопил:

— Вот ты где! Попался?!

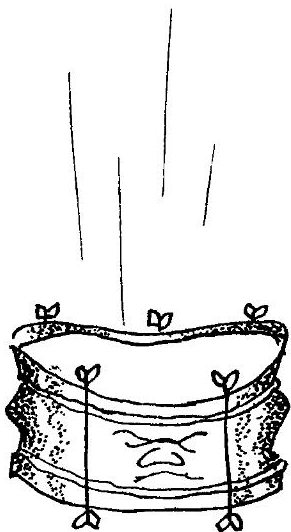
В следующее мгновение в домике очутился Квартоша. Он набросился на мастера Триоля:

— Ба, да этот старикашка очень похож на того, которого мы утопили в озере!

Триоль и Дирижелло и опомниться не успели. Дюжие королевские стражники скрутили им руки.

— Вот теперь мы получим орден... — мечтательно произнёс Квинтоша. — Его прекакофонство нам всё простит.

— Ничего вы не получите, — морщась от боли, сказал Триоль. — И не надейтесь!

— Это ещё почему? — сердито спросил Квартоша.

— Потому, что в таком виде вас не пустят к королю: посмотрите, на кого вы похожи! И конечно, кто-нибудь другой отведёт нас к Какофону и получит орден. В этом нет никакого сомнения!

Тромбоши переглянулись. Это не приходило им в голову.

Воспользовавшись растерянностью стражников, мастер Триоль как бы невзначай добавил:

— Конечно, если вас немного привести в порядок, починить, исправить, вы снова выглядели бы настоящими стражниками...

Квинтоша отпустил Триоля и сказал:

— Ты смог бы этим заняться?

— Конечно.

— Вот и приводи меня в порядок.

— А если я не соглашусь?

— Я прихлопну тебя тут же на месте!

— Хорошо, — словно нехотя согласился Триоль. И недолго думая взял стальной крючок и оторвал у Квинтоши один проволочный ус.

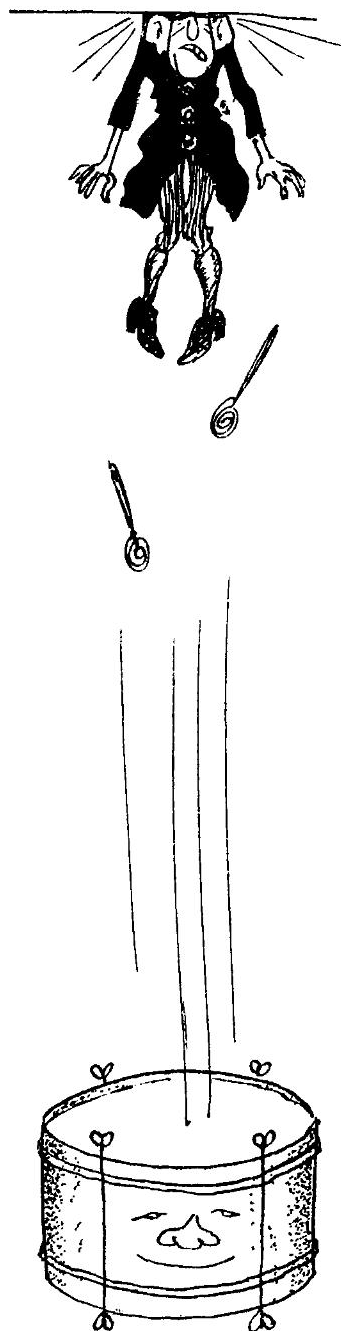
Тромбоша от неожиданности оторопел:

— Ай, что ты делаешь?

— Спокойно, — ответил Триоль. — Кому нужны эти уродливые проволочные колючки? Я тебе придумаю новые. Такие, что тебе позавидует любой гвардеец.

И мастер Триоль выдернул у Квинтоши второй ус.

— Мои усы... — грустно вздохнул Квинтоша.

Мастер Триоль повернулся к нему спиной и сказал:

— Ну я пошёл...

— Куда? — бросился за ним стражник.

— В подвал. Там в сундуке лежит проволока для усов: тонкая — для пышных, чуть потолще — для закрученных кверху, а совсем толстая — для торчащих в разные стороны.

У Квинтоши разгорелись глаза:

— Я сам хочу посмотреть и выбрать.

— Пожалуйста, — ответил Триоль. — Иди за мной...

— Эй, — завопил им вслед Квартоша, который охранял Дирижелло, — не забудь и обо мне! Я тоже хочу посмотреть и выбрать.

— Не беспокойся, — ответил Триоль, — и тебе в своё время достанется по усам!

— Что он сказал? — спросил Квартоша у Дирижелло. — Как это — достанется по усам!

— Мастер хотел сказать, — ответил мальчик, — что и тебе достанется по одному усу с каждой стороны.

— А-а, — протянул Квартоша. — Я подумал...

Неизвестно, что подумал Квартоша, так как в этот момент из подвала раздался страшный грохот и отчаянный вопль.

Потом всё стихло.

Квартоша подозрительно спросил:

— Что это могло бы значить?

Дирижелло пожал плечами. Он тоже ничего не понял.

Тогда Квартоша, увлекая за собой мальчика, бросился к подвалу. Там, кроме Триоля, никого не было.

— Куда подевался Квинтоша? — грозно спросил Квартоша.

— Забрался в сундук, — ответил мастер. — Выбирает себе проволоку для усов...

Квартоша отпустил Дирижелло и устремился к сундуку.

— Отберёт себе лучшую проволоку... — проворчал он и откинул крышку сундука.

Там на дне без всяких признаков жизни лежал Квинтоша.

Мастер Триоль не стал дожидаться объяснения с Квартошей. Он схватил тяжёлый молоток и с силой опустил его на голову стражника.

Бух! — загудела медная голова, и Квартоша рухнул на пол.

— Что поделаешь... — сказал Триоль. — Иногда, прежде чем сделать кому-нибудь доброе дело, необходимо предварительно как следует стукнуть его по голове.

— И вы сможете теперь его починить? — спросил Дирижелло, рассматривая огромную вмятину.

— В этом нет никакого сомнения! — ответил Триоль и добавил: — Помогите мне вытащить из сундука «моего» стражника...

Мастер Триоль принялся за работу.

Он исправил погнутые трубочки Квинтоши, заменил поломанные, выправил вмятину на голове, быстренько настроил, и через мгновение-другое Квинтоша открыл глаза.

Некоторое время он растерянно оглядывался.

— Что это со мной было? — спросил он. — Никак не припомню.

— Ничего особенного, мой друг, — лукаво ответил Триоль. — Просто ты немного фальшивил. Вот я и настроил тебя.

— Спасибо вам, дорогой Триоль. Вы замечательный человек. Но...

Квинтоша опять задумался.

— Кажется, я видел страшный сон, — наконец сказал он. — Будто наш город захватил какой-то Какофон...

Тут Квинтоша заметил лежащего на полу Квартошу и уставился на него. Он не узнал своего брата.

— Вот точно такого стражника я видел во сне... Значит, это был не сон?

— Может быть, и нет, — ответил Триоль. — Но не волнуйся, скоро не будет никаких стражников и королей ни во сне, ни наяву. И в этом нет никакого сомнения!

Мастер склонился над Квартошей и первым делом вырвал ему усы. Потом принялся чинить и настраивать его.

А когда ремонт закончился и Квартоша окончательно пришёл в себя, он с радостным воплем бросился в объятия Квинтоши:

— Братик мой, как давно мы с тобой не виделись!

Они стояли в обнимку, два брата, одураченные Какофоном, и пытались вспомнить всё, что с ними произошло. В конце концов они решили, что им обоим приснился один и тот же страшный сон.

— Увы, друзья мои. Если бы это был только сон!.. — воскликнул мастер Триоль.

И он рассказал тромбосам обо всём. А те поклялись отомстить Какофону за своих медных, ни в чём не повинных братьев.

— Время не ждёт, — напомнил Триоль. — Нужно что-то делать.

И они стали думать.

Вскоре план спасения города был готов.

Глубокой ночью Дирижелло, мастер Триоль и тромбосы, вооружённые тяжёлыми молотками, отправились к Медному Замку.

То и дело слышались окрики королевских гвардейцев:

— Эй, кто идёт?

Тогда Квинтоша хватал за руку Триоля, а Квартоша — Дирижелло.

— Это наша добыча, — отвечали тромбосы. — Мы ведём их к Какофону.

— Хорош улов, — смеялись в ответ гвардейцы и пропускали мнимых пленников дальше.

Так беспрепятственно они проникли в Медный Замок.

У двери, за которой преспокойно похрапывал Какофон, стоял рослый гвардеец, охранявший покой короля.

Квинтоша обратился к нему:

— Нам нужен король.

— Его прекакофонство спит, — ответил гвардеец.

— Мы привели пленников.

— До утра я никого не пропущу к королю.

— Ну хорошо, — сказал Квинтоша. — Мы подождём. Но учти, король не погладит тебя по головке за то, что ты вовремя не сообщил ему о пленниках.

Гвардейцу не очень-то хотелось беспокоить среди ночи своего сурового повелителя. Но кто знает: может быть, этот тромбоша прав?

«Эх, тяжела служба у короля! — подумал гвардеец. — Никогда не знаешь, за что тебе влетит больше».

И он нерешительно двинулся к двери.

Но не успел сделать и двух шагов — тяжёлый молоток Квинтоши опустился ему на голову.

— Изме... — только успел крикнуть он, но тут же повалился на пол.

— Один готов! — весело воскликнул Квартоша.

— Его нужно поскорее убрать отсюда, — сказал Триоль.

Тромбоши дружно подхватили гвардейца. Но вдруг из-за двери послышался голос Какофона...

„Эй, стража, ко мне!“

— Он сейчас поднимет на ноги весь замок! — испуганно пролепетал Квартоша и, бросив гвардейца, попятился от двери. По всему было видно, что он готов в любую минуту дать тягу.

Триоль схватил его за руку.

— Спокойно, друзья мои, не теряйте голову, — шепнул он. — Если сейчас Какофон узнает, что мы затеяли, — мы все погибнем...

— Эй, стража, ко мне! — ещё громче завопил Какофон. — Вы что там, оглохли?

Тогда Квинтоша решился на отчаянный шаг: передав молот Дирижелло, он открыл дверь и скрылся за ней.

Хорошо, что в спальне было темно. Король не разглядел как следует вошедшего.

— Что там за шум? — спросил он.

Квинтоша молчал. Откровенно говоря, он так испугался, что ему было не до разговоров.

— Да я вижу, ты онемел от страха! — пробурчал Какофон. — Кто это там осмелился потревожить мой сон?

— Я... — срывающимся голосом залепетал Квинтоша, — я... споткнулся... и... упал...

— Болван! — сердито буркнул Какофон. — Поди прочь! Завтра я разделаюсь с тобой.

И король перевернулся на другой бок. Квинтоша поспешно удалился.

— Всё в порядке, — сказал он, плотно закрыв за собой дверь и едва переводя дыхание. — Он ни о чём не догадался.

Все с облегчением вздохнули и принялись молча обнимать смельчака. А Квартоша опустил глаза. Ему было очень стыдно — ведь он вёл себя как последний трус! Униженный в глазах своих друзей, он готов был немедленно совершить какой-нибудь героический поступок.

— Я пойду и стукну его по голове! — предложил Квартоша и воинственно взмахнул молотком.

— Это равносильно тому, что ты перебьёшь всех нас, — проворчал Триоль. — Но если ты хочешь показать, на что ты способен, то останься здесь и каждого, кто посмеет сунуть сюда нос... — И мастер Триоль сделал выразительный жест.

Квартоша кивнул головой и, положив на плечо молоток, замер у двери короля.

А Квинтоша с помощью Дирижелло и мастера Триоля поднял тяжёлое тело поверженного гвардейца и потащил его в глубину замка.

Они пробрались в подземелье, где всё ещё лежал избитый тромбошами дядька Цуг-Тромбон, и бросили гвардейца рядом с ним.

— Теперь тебе придётся сбегать за моими инструментами, — сказал Квинтоше мастер Триоль. — Без них я как без рук.

И Квинтоша, не теряя времени, отправился выполнять поручение Триоля.

Через некоторое время он вернулся, нагруженный огромным мешком, в котором находились все инструменты Триоля, даже золотой молоточек и хрустальная наковальня.

Потом Квинтоша и Дирижелло начали свой необычный ночной обход Медного Замка.

Время от времени слышались глухие удары и короткие вопли, которые заставляли вздрагивать Квартошу. Но к счастью, король не просыпался.

А в подземелье мастер Триоль открыл настоящую мастерскую.

Дробно стучал молоточек, пела тонкая пила, щёлкали острые кусачки, сыпались на пол никуда не годные, поломанные и изуродованные трубочки. Мастер Триоль без усталости ремонтировал медные музыкальные инструменты, которые ему время от времени подтаскивал старательный Квинтоша.

Прошёл час, другой, третий, и в Медном Замке не осталось ни одного фальшивого обитателя.

Все они, починенные, настроенные и полные негодования, стояли перед мастером Триолем.

— Мы сейчас же пойдём и арестуем Какофона! — крикнула Труба.

— Арестуем, арестуем! — загудела пузатая Труба. — И посадим в подземелье.

— Увы, друзья мои... — ответил мастер Триоль. — Если бы всё было так просто! Но вы забыли, что Какофон злой волшебник, и ему ничего не стоит в два счёта разделаться с нами.

— Как же быть? — пробасил дядька Цуг-Тромбон, которого тоже привели в порядок удивительные руки мастера Триоля. — Что нам делать?

— Главное — соблюдать осторожность. И не шуметь, — сказал им мастер Триоль. — Разойдитесь по своим комнатам и ждите. До утра мы с Дирижелло ещё кое-что успеем сделать...

Мастер Триоль, Дирижелло и Квинтоша покинули Медный Замок. А верный Квартоша остался на страже у двери Какофона. И не напрасно — хитрый Сак-Софончик несколько раз порывался войти к Какофону. Но Квартоша грозил ему тяжёлым молотом, и Сак-Софончик убирался во свояси, раздумывая над тем, как для него окончится вся эта история.

Между тем Триоль, Дирижелло и Квинтоша всё ближе и ближе подходили к Певучему Замку.

Путь их был нелёгок. в городе ещё оставалось немало злых и фальшивых гвардейцев короля.

Пришлось расправляться и с ними — молот Квинтоши работал безотказно. Правда, у мастера Триоля не было времени тут же чинить их. И гвардейцы до поры до времени оставались на тех местах, где их настигла крепкая рука Квинтоши.

Партитура и волшебная Дирижёрская Палочка

В это время в Певучем Замке с нетерпением ждали появления Дирижелло и мастера Триоля.

— Неужели они попали в лапы Какофона? — слышался взволнованный голос прекрасной Челлы-Виолончеллы.

Виолина ласково успокаивала её:

— Поверьте мне, наши друзья ни за что не дадут себя в обиду.

Рассудительный Альт вмешался в разговор:

— Надеюсь, они и нас не дадут в обиду...

Дедушка Бассо-Контрабассо и виду не подавал, что волнуется. Он ходил по замку, заложив руки за спину, и что-то напевал себе под нос:

— Буру-бум, бум-бум, буру-бум, бум-бум-бум...

Время от времени он тряс головой, словно отгонял непрошенные мысли и восклицал:

— Они придут, они придут!

И наконец ворота замка широко распахнулись.

— Ура! — запищали маленькие пошетты. — Вот и они!

— Ну, что я говорил! — загудел Бассо-Контрабассо.

— Поторопимся, поторопимся! — сказал Триоль. — Какофон может проснуться каждую минуту.

Квинтоша принялся торопливо расставлять пульта — деревянные подставочки для нот. А Дирижелло раскрыл Партитуру.

По просьбе Дирижелло двадцать скрипок во главе с Первой Скрипкой — Виолиной уселись по левую руку мальчика.

— В Партитуре написано, что вы Первые Скрипки. Оставшиеся шестнадцать скрипок разместились позади первых скрипок.

— А вы Вторые Скрипки, — сказал им Дирижелло. Прекрасная Челла и ещё двенадцать виолончелей по знаку мальчика заняли почётное место справа. А рассудительный Альт с десятью такими же альтами поспешили занять места рядом с виолончелями.

— А как же быть нам? — спросил Бассо, который привёл с собой пять контрабасов.

Нашлось, конечно, место и контрабасам. Маэстро обо всех подумал! Но чтобы они никого не заглушали — ведь голоса-то у них мощные! — Гармониус написал на полях Партитуры, что контрабасы должны стоять позади всех.

Дирижелло взял в правую руку небольшую костяную палочку, спрятанную между страниц Партитуры.

Это была волшебная Дирижёрская Палочка.

— Что ты медлишь, мой друг? — спросил мастер Триоль.

— Но как же начинать, когда нет флейт, гобоев, кларнетов, фаготов, валторн, труб, тромбонов, литавр и барабанов?! — ответил Дирижелло.

— Ничего, — сказал Триоль. — Ты только начни. Они услышат пение скрипок, альтов, виолончелей и контрабасов и тут же прибегут. Не забывай, мой друг, о волшебной силе Партитуры — ведь её сочинил великий Маэстро Гармониус!

И Дирижелло уверенно взмахнул Дирижёрской Палочкой.

Несколько десятков смычков взметнулись над струнами...

Казалось, что запели земля, цветы, деревья, солнце. Этот невиданный хор был слышен в самых отдалённых уголках Капеллианы.

Музыка Маэстро Гармониуса подняла на ноги весь город.

Из Деревянного Замка прибежали флейты, кларнеты, гобои.

Дирижело усадил их на свободные места — за скрипками и виолончелями.

И только было они раскрыли рты, чтобы запеть, в замок, тяжело отдуваясь, ворвался старик Фагот.

— Что? Как? Без меня? — зашамкал он. — Какое неуважение к старшим!

— Иди к нам! — в один голос воскликнули флейты и гобои.

И старик Фагот примостился на свободном месте, рядом с Кларнетом.

— Минутку, минутку! — вдруг сказала Первая Скрипка. — А вы хорошо настроены, вы не фальшивите?

Что поделаешь — у каждого свои обязанности!

Но напрасно волновалась Первая Скрипка — ведь рядом находился мастер Триоль. Он тут же стал проверять голоса музыкальных инструментов Деревянного Замка.

Особенно долго он возился с Гобоем. Очень уж, бедняга, фальшивил. Зато теперь он так настроился, что по нему можно было настраивать любые музыкальные инструменты.

Наконец уселись и жители Деревянного Замка.

Но тут со стороны Барабанного Замка послышался невероятный грохот.

Это к Певучему Замку со всех ног катилась огромная Литавра. А за ней вприпрыжку — Малый Барабанчик, Тамбурин, Бубен с колечками, Ксилофон и Серебряные Колокольчики.

Малый Барабанчик уселся впереди всех и принялся барабанить.

— Остановись! — крикнул Дирижело. — Так дело не пойдёт. Тебе да и остальным нужно разместиться в самой

глубине. Тогда вы никому не будете мешать. И учти, барабанить без толку никогда не следует. Вот тебе листочек из Партитуры. Смотри в него внимательно.

— Что-то задерживаются медные инструменты, — с беспокойством сказал Триоль. — Может быть, Какофон...

Мастер не успел договорить.

В ворота замка с шумом вбежали трубы, валторны, тромбоны и тубы.

Дирижелло усадил их неподалёку от гобоев и флейт.

— Что мы будем петь? — за всех спросила Труба.

И Дирижелло роздал им по листочку из Партитуры.

Листочков хватило на всех.

Так под Дирижёрскую Палочку Дирижелло собралась вся Капеллиана.

Ну, а Какофон?

Какофона тоже разбудила музыка Маэстро Гармониуса.

Сначала он не поверил собственным ушам, потом его затрясло как в лихорадке.

Какофон торопливо произносил заклинание за заклинанием, но никакие магические слова не действовали под волшебную музыку из Партитуры. Теперь злой волшебник уже никого не мог превратить ни в канифольную пыль, ни в деревянную трещотку и ни во что другое.

Вдруг Большой Барабан, на котором сидел Какофон, сбросил его с себя и тоже убежал в Певучий Замок.

Какофон растянулся на полу. А мимо него пробежали трубы, валторны и тромбоны.

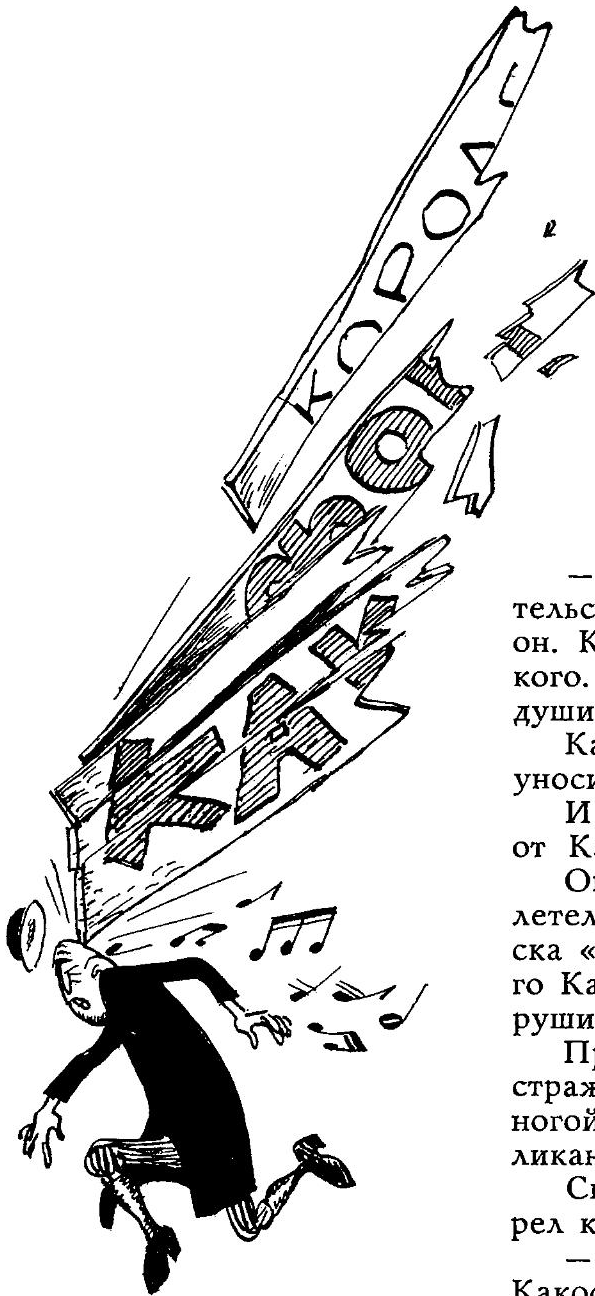
Даже Сак-Софончик убежал из Медного Замка, на ходу срывая с себя ордена Какофонии.

— Куда же ты, мой верный министр? — вскричал Какофон.

— Я заблуждался, — ответил хитрый Сак-Софончик.

И вскоре Какофон услышал в мощном хоре голосов и голоса медных инструментов.

Это было самое ужасное.

— Предательство, предательство!.. — яростно шептал он. Кричать уже было не на кого. В замке не осталось ни души.

Какофон понял, что пора уносить ноги.

И ноги понесли его прочь от Капеллианы.

Он так торопился, что налетел на ворота города. Вывеска «Королевство всемогущего Какофона» с грохотом обрушилась ему на голову.

Пробегая мимо главного стража города, он зацепился ногой за струну, которой Великан был привязан к дереву.

Спросонок Бомбардон огрел короля медной дубинкой.

— Конец всему! — взвыл Какофон и понёсся дальше, к своей пещере, за гору Карийон.

Последняя встреча двух волшебников

Какофон взлетел на гору Карийон, а потом скатился со снежной вершины на ту сторону, где среди высоких чёрных скал пряталась его мрачная пещера.

Он увидел Гармониуса, который сидел у решётки в глубокой задумчивости.

— У-у-у!.. — завыл Какофон. — Нигде от тебя нет покоя! Сейчас я превращу тебя в деревянную трещотку или сотру в канифольную пыль. — И он произнёс: — *Тарага́то-марага́то-сабызги́-сигудэ́к!*

Заклинание не подействовало. Может быть, оттого, что в ушах Какофона ещё звучала музыка из Волшебной Партитуры, а может быть, потому, что злые волшебники всегда уступают в силе добрым.

Во всяком случае, Маэстро Гармониус спокойно и несколько удивлённо посмотрел на Какофона.

— Понимаю, — сказал он. — Вы пришли извиниться за оторванный переплёт Партитуры.

— Ещё чего!.. — прорычал Какофон и нетерпеливо повторил: — *Тарага́то-марага́то-сабызги́-сигудэ́к!*

— Интересно, что он там бормочет? — пожал плечами Маэстро.

И тогда Какофон в полном отчаянии и уже во весь голос завопил:

— *Йо́ксу-йа́ксу-каягы́м!*

Это, пожалуй, было самое сильное заклинание злого волшебника.

Гармониус рассердился:

— Вы, кажется, пытаетесь сотворить новую пакость? Не забывайте, сударь, я ведь тоже волшебник! — И Гармониус произнёс одно лишь слово: — СИМФОНИЯ.

Оно было сильнее любых заклинаний и таило в себе страшный для Какофона смысл.

Это слово означало СОЗВУЧИЕ.

Какофон как ужаленный отскочил от решётки.

— Не говорите этого ужасного слова! — взмолился он.

— Сим-фо-ния! — медленно и раздельно повторил Гармониус.

Какофон бросился наутёк... Между тем хитрый Сак-Софончик всячески старался загладить свою вину перед мастером Триолем.

— Я вам раскрою страшную тайну, — сказал бывший министр старому мастеру. — Наш любимый Гармониус сидит в пещере Какофона. И никто никогда не сможет освободить его: там заколдован замо́к!

За это известие Триоль готов был простить ему всё.

— В конце концов, — сказал Триоль, — нет плохих музыкальных инструментов, а есть люди, от которых зависит — станут они хорошими или плохими.

И мастер Триоль устремился на помощь знаменитому сочинителю музыки.

Он так и застал Маэстро — в глубокой задумчивости.

— О мой дорогой друг! — только и сказал Гармониус, увидев Триоля.

— Немного терпения, и вы будете на свободе! — воскликнул мастер и не удержался, чтобы не проворчать: — Ох уж эти мне волшебники! Не могут справиться с каким-то замочком...

Триоль достал из своего чемоданчика стальной крючок и просунул его в щель замка.

Замок звякнул и шлёпнулся на землю. Раздался скрежет открывающейся решётки.

— Вы свободны! — торжественно произнёс Триоль.

Маэстро вышел из пещеры и обнял мастера.

— Я счастлив, что выпустил вас из этой мрачной дыры, — растрогавшись, сказал Гармониус.

По рассеянности Маэстро решил, что в пещере сидел вовсе не он, а Триоль.

— Чудеса! — рассмеялся мастер. — Впрочем, вы не

ошиблись. И мне пришлось отсидеть своё под замком. Между прочим, по милости всё того же Какофона.

— Только что я прогнал этого невоспитанного человека, — ответил Маэстро. — Но понимаете, я забыл спросить его, куда он дел мою Партитуру.

— Не беспокойтесь, дорогой Маэстро, Партитура в надёжных руках!

Дирижелло спешит к своему Маэстро

В Капеллиане все пели и ликовали.

— Да здравствует Маэстро Гармониус!

— Да здравствует Партитура!

— Да здравствует Дирижелло и мастер Триоль!

А хитрый Сак-Софончик забрался на крышу Медного Замка и закричал:

— Позор Какофону и какофониям!

— А ну-ка, слезь оттуда, паршивец! — вдруг услышал он голос своего дяди, всеми уважаемого Саксофона.

Саксофон только что вернулся из далёкого путешествия и успел разузнать о проделках своего непутёвого племянника.

От неожиданности Сак-Софончик свалился с крыши.

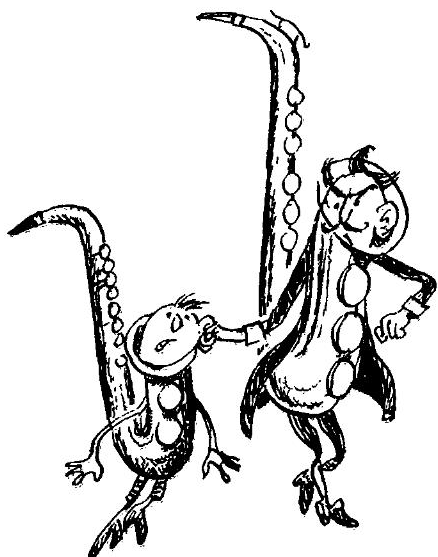
Саксофон взял его за ухо и увёл в глубину замка.

О чём они там говорили, неизвестно. Только через некоторое время Сак-Софончик пулей вылетел из замка и бросился в толпу, поближе к трубам, валторнам и тромбонам.

— Мы не пустим его в наш оркестр! — слышались возмущённые голоса.

— Спокойно, — сказал Дирижелло. — Помните слова мастера Триоля: «Нет плохих музыкальных инструментов, а есть люди, от которых зависит — станут они хорошими или плохими».

— Всё может быть, — пробасил добрый дедушка Бассо-Контрабассо. — А если так сказал сам мастер Триоль...

— То в этом нет никакого сомнения! — хором отозвались все горожане.

И они устремились за Дирижелло, который спешил к Маэстро Гармониусу. Откровенно говоря, мальчик очень соскучился по своему учителю. Капеллианам тоже хотелось повидать великого Маэстро. Ведь они тоже любили Гармониуса. И сердца их были переполнены благодарностью за волшебную Партию.

Флейта говорила:

— В Партии для меня написана чудесная сольная партия. Она так легко переплетается с партией Виолы, просто прелесть!

Пузатая Туба, как и раньше, ничего не поняла из учёной речи Флейты и была рада, что над ней не смеются.

— А для меня, — сказала она, — Маэстро написал целых четыре строчки в самом начале, а потом целых четыре строчки в самом конце. Хотите послушать?

— С удовольствием, — откликнулась Флейта. — Ведь сразу после того, как вы замолчите, я начинаю своё знаменитое соло, а дальше вступают скрипки...

Флейта выслушала Тубу и залилась трелью. Скрипки поддержали знакомую мелодию. Контрабасы прямо на ходу стали водить смычками по струнам, а Большой Барабан с помощью Маленького Барабанчика чётко выстукивал ритм.

Когда они подошли к дому Маэстро Гармониуса, Дирижелло опустил Дирижёрскую Палочку. Все замолкли.

Мальчик вошёл в дом.

Старый Маэстро дремал в своём кресле. Мастер Триоль чинил смычок — тот самый, которым Гармониус хлопнул себя по лбу, — и что-то ворчал себе под нос.

Дирижелло на цыпочках подошёл к креслу и подсунул Партию под мышку Маэстро.

Гармониус проснулся. Он нащупал Партитуру и ничуть не удивился:

— Интересно, как это я сразу не сообразил заглянуть себе под мышку?

А увидев Дирижелло, спросил:

— Который может быть час?

Часы, как всегда, стояли. Маэстро вечно забывал их заводить. И Дирижелло, который давно уже научился узнавать время по солнцу, распахнул окно.

Вместе с солнечными лучами в комнату Маэстро ворвался говор жителей Капеллианы.

— Интересно, — спросил Гармониус, — что они так расшумелись? Скажи им, мой мальчик, что я сдержал своё слово — Партитура написана.

Дирижелло и мастер Триоль не могли удержаться от улыбки.

— Ах да! — улыбнулся и Маэстро. — Я всё опять пере-забыл! — И, обняв Дирижелло, прибавил: — Я всегда был уверен, что из тебя выйдет толк. — Он протянул Дирижелло Партитуру: — Я дарю тебе эту книгу!

— Мне? Насовсем? — радостно спросил мальчик.

— Бери, бери... Тебе с капеллианами нужна именно такая нотная книга, а я задумал новую и обязательно напишу её.

Маэстро Гармониус закрыл окно и подошёл к своему рабочему столу. Погружённый в мысли о новой Партитуре, он больше никого не замечал.

Великий сочинитель музыки сел за письменный стол, опустил перо в чернильницу и воскликнул:

— Интересно, куда подевалось моё перо?

А мастер Триоль, стараясь не шуметь, тихо покинул дом Маэстро Гармониуса...

Ещё несколько слов о мальчике Дирижелло, Маэстро Гармониусе и мастере Триоле

Прошло много лет.

Дирижелло вырос и стал дирижёром города музыкальных инструментов. К нему стали обращаться не иначе, как со словами: «Маэстро Дирижелло».

И в этом нет ничего удивительного. Каждый ученик, если он прилежен, рано или поздно становится маэстро.

Лишь старый Гармониус по-прежнему называл его: «мой мальчик». Ведь для учителя любимый ученик — будь он дважды маэстро — навсегда остаётся учеником.

В один прекрасный день Дирижелло отправился в далёкое путешествие. За ним последовали скрипки, альты, виолончели, контрабасы, трубы, тромбоны, геликоны, флейты, гобои, кларнеты, барабаны, литавры, ксилофоны, колокольчики, тамбурины — словом, все жители города.

Они побывали во многих странах и городах. В дорожном чемодане Дирижелло бережно хранились несколько новых партитур, написанных великим сочинителем музыки Маэстро Гармониусом.

А мастер Триоль и Гармониус часто вспоминали Какофона и весело смеялись.

— Вот ведь Расскажи кому-нибудь про всё, что случилось, не поверят! Да ещё чудаком назовут, — говорил мастер Триоль.

— Ах, бросьте думать о пустяках! — отвечал Гармониус. — Для нас с вами это не имеет никакого значения. Кто хочет, пусть верит, а кто не хочет — что поделаешь?

Мастер Триоль стал всё чаще задумываться. Он вспоминал свой домик на окраине за пустырем и вздыхал. С тех пор как Дирижелло вместе с капеллианами отправился в далёкое путешествие, он всё больше и больше тосковал. Откровенно говоря, сидеть сложа руки даже в волшебном городе очень скучно.

Однажды Гармониус нащупал во внутреннем кармане камзола что-то твёрдое и вытащил оттуда плоскую коробочку.

— Подумать только, мои очки! — воскликнул он. — Мои чёрные волшебные очки! Интересно, как это я сразу не догадался, что коробочка у меня в кармане?..

Маэстро протянул очки Триолю.

— Совсем запылились, — озабоченно проворчал Триоль и стал тщательно протирать стёкла.

Он опять вспомнил свой домик на окраине за пустырём.

— Вы думаете, дорогой Триоль, что они потеряли свою волшебную силу? — лукаво спросил Гармониус. — А не попробуете ли?

— И попробую! — воскликнул Триоль.

Гармониус крепко обнял мастера Триоля.

— Прощайте, — с грустью произнёс он. — Но учтите, мой дорогой друг, вторая пара очков у меня...

— Значит, мы ещё увидимся, — сказал мастер Триоль и водрузил на нос чёрные волшебные очки.

И откуда-то издалека-издалека он услышал голос Гармониуса:

— И в этом не может быть никакого сомнения!

О Г Л А В Л Е Н И Е

Маэстро Гармониус и история города Капеллианы	3
Познакомьтесь — мастер Триоль!	11
Ошибка волшебника Гармониуса	16
Что задумал Какофон	19
Концерт в Певучем Замке не состоялся	23
Дирижелло	28
Встреча двух волшебников	31
На пыльной полке	35
Ах, до чего же рассеянный Маэстро Гармониус!	37
Гармониус слишком поздно вспоминает о чёрных волшебных очках	40
О племяннике всеми уважаемого дяди Саксофона	42
Дядька Цуг-Тромбон	44
Братья тромбоши, королевский трон и Великан Бомбардон	46
Мастер Триоль начинает кое о чём догадываться	50
Бомбардон и верёвочка	54
В Капеллиане	57
Почему Триоль очутился в мешке из-под угля	59
Казнь мастера Триоля	62
Генеральная репетиция	65
Дирижелло в подземелье Медного Замка	69
Как тромбоши лишились своих усов	74
«Эй, стража, ко мне!»	81
Партитура и волшебная Дирижёрская Палочка	84
Ну, а Какофон?	87
Последняя встреча двух волшебников	89
Дирижелло спешит к своему Маэстро	91
Ещё несколько слов о мальчике Дирижелло, Маэстро Гармониусе и мастере Триоле	94

Чистка - Joker2156

Для младшего школьного возраста

Абрамян Григорий Владимирович

МАСТЕР ТРИОЛЬ

С к а з к а

Ответственный редактор *Л. Г. Тихомирова*. Художественный редактор *В. А. Горячева*. Технический редактор *О. В. Кудряцева*. Корректоры *В. Е. Калининна* и *Э. Н. Сизова*. Сдано в набор 28/X 1968 г. Подписано к печати 8/IV 1969 г. Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,02 (Уч. изд. л. 5,32).

Тираж 100 000 экз. ТП 1969 № 207. Цена 29 коп. на бум. № 2.

Издательство «Детская литература» Москва М Черкасский пер, 1
Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Калинин, проспект 50-летия Октября, 46 Зак 565.